

Александр Гоноровский

ГУСТАВ

Сценарий полнометражного художественного фильма

Жуковский – Сестрорецк - Москва 2007-2009

Копоть и гарь паровозного дыма разорвал орел на железе. Орел держал в когтях свастику.

Окрестности Берлина. Железная дорога. Один путь.

Паровоз, гигантская железная сигара с орлом и свастикой на передке, шел на всех парах.

Скорость смазывала в серую гладь придорожные кусты, деревья, дома.

Узкий переезд через рельсы. Разбитый шлагбаум.

В обе стороны двигались колонны грузовиков, шла пехота.

Молоденькая регулировщица вдруг замерла, оглянулась.

Гул приближающегося паровоза был слышен все сильнее.

Запели рельсы.

Звякнули ключи. Из-под стоящего на обочине танка выбрался механик-водитель - крепкий жилистый мужик в промасленной робе, легко забрался на броню, посмотрел на приближающийся паровоз.

Грузовик с прицепленной походной кухней заглох на путях.

Машины на переезде остановились. Крики спрыгивающих на землю солдат.

Около машины заметался плотный седоусый повар...

Повар. Братцы!.. Братцы!.. Толкнем?!..

- Беги, кухня!

Повар (тихо, отчаянно). Вашу мать...

Повар забрался на кухню с огромным половником и ведром, стал быстро наполнять ведро дымящимся супом.

Повар (тихо, отчаянно). Война кончается... День, два - и победа. А тут - войой...

Паровоз, казалось, летел над рельсами, не сбавлял ход.

Танк взревел мотором, вышел на пути, закрыл переезд.

За танком бежал молоденький лейтенант в новенькой еще не запыленной форме, кричал механику растерянно.

Лейтенант. Сержант! Товарищ Игнат! Ты куда?!

Из люка башни проворно выпрыгнул огромный детина-заряжающий, сиганул в придорожные кусты.

Колеса паровоза высекли искры. Машина заскользила по рельсам, тормозила медленно, нехотя прощалась со скоростью.

Игнат зажмурился.

Паровоз остановился в нескольких метрах от танка.

Из машины выпрыгнули неуклюжий человек в форме железнодорожника и пацан в немецкой не по росту шинели с фауст-патроном на плече.

Побежали прочь.

Выстрел.

Пацан прыгнул в сторону, выронил фауст-патрон, запетлял как заяц.

В люк механика водителя заглянул испуганный лейтенант.

Игнат улыбался.

Открыл глаза.

Лейтенант. Ты чего?

Игнат выбрался из танка, с восхищением посмотрел на паровоз, пошел к нему.

Игнат (оборачиваясь). Жратву на переезде пожалел...

Лейтенант (вдогонку механику). Стрельнуть надо было... И все...

Игнат (весело передразнивая). Стрельнуть... Ты, лейтенант, видел когда-нибудь, как у паровозов котлы рвет? Хуже бомбы... (забираясь в будку паровоза) В такую красоту стрелять?

Около угла дома лежали железнодорожник и пацан в немецкой форме.

У пацана под левой рукой на шинели расплылось большое черное пятно.

Железнодорожник растер по лицу грязные слезы, положил фаустпатрон на плечо, посмотрел через прицел на стоящий на путях паровоз, на танк.

Будка скоростного немецкого паровоза.

Приборы, отполированные механизмы и рычаги.

Игнат бережно протер стекло прибора рукавом комбинезона.

На шкале прибора за красной чертой цифра - 250.

На переезде толкали заглохшую машину с прицепленной к ней кухней.

За ней шел седоусый солдат с полным ведром.

Облизывал половник.

Пошла пехота.

Люди смотрели на паровоз.

- Вот эта махина...

- *Страсть...*

- *Прям гора...*

- *И гладкий, как огурец...*

- *Сам ты огурец...*

Из кустов шишкой торчала голова Крикунова.

На броню с коробкой в руке забрался Игнат.

Лейтенант (глядя на прибор в руках Игната). Что за коробка?

Игнат. Трофей...

Лейтенант (стоя на броне). Крикунов, одевай порты, поехали! (тише). Зря мы вчера эту корову жрали.

Игнат (кричит). Крикунов, для Берлина чуток оставь!

Искорки в глазах. Растянутые в улыбках рты. Смех.

Смеялись лейтенант, заряжающий в кустах, Игнат.

Смеялись люди в грузовиках. Пехота. Повар. Смеялась каждой своей веснушкой молоденькая регулировщица.

Смех победителей.

Рассказчица (Закадровый голос Эльзы. Говорит медленно, с акцентом, старательно произнося слова).

Началось все под Берлином... А закончилось - в Сибири. В сорок пятом... Говорили, что один наш и какой-то немец разогнались на паровозах так, что полетели...

Свист летящего снаряда заставил людей посмотреть в небо.

Рассказчица (голос за кадром). Зачем немец гнал-летал здесь, а не в своей родной фашисткой Германии, никто не помнил. Но имя его - Густав, запомнили все.

Снаряд ударил в паровоз. Туда, где железные ребра держали паровой котел.

Вздыбилась земля.

Взрыв снес Игната и лейтенанта с брони.

ЗТМ.

Рассказчица (голос за кадром). Редкое для Сибири имя.

Титры (название фильма):

ГУСТАВ

Тайга.

День.

Пыльная зелень августа.

Рельсы.

Ржавый остов трактора на полосе отчуждения, ось с черными колесами паровоза.

Громкоговоритель захрипел и радостно сообщил: Сегодня седьмое августа тысяча девятьсот сорок пятого года. Вторник. С добрым утром, товарищи!

Из репродуктора посыпался трубно-барабанный марш.

Паровоз с теплушкой дыхнул паром, остановился. Паровоз был обыкновенный, старый. Заплаты черной краски лежали на его теле.

Игнат спрыгнул из теплушки на плотно утопанную землю.

Выгоревшая пилотка, выдавшая виды гимнастерка, на которой горел Орден Красной Звезды, блестела начищенная медаль. Две нашивки за ранения. Из-под пилотки был виден короткий глубокий шрам надо лбом, похожий на вмятину от удара по железу.

Из паровозной будки настороженно выглянул машинист Саркисян. Из темноты будки донеслось взволнованное куриное кудахтанье.

«Край» - выведено под крышей когда-то аккуратного домика.

На стене - чуть оборванный снизу плакат. Чем-то похожий на Игната воин-богатырь молодцевато отдавал честь. Салют за его спиной складывался в большие победные цифры - 1945.

Баракы вдоль путей.

У Игната в руках вещмешок и жестяной сундучок путейца - шарманка.

Игнат огляделся.

Никого.

Лишь под столбом, на котором играл репродуктор, сидел местный охотник Вовка Жилкин. С ружьем на коленях. Курил короткую трубочку.

Игнат остановился рядом, поставил сундучок на землю, закурил, выпустил дым себе на грудь.

Игнат. Где тут контора?

Жилкин с уважением посмотрел на орден Красной Звезды, на медаль, подражая Игнату, выдохнул чахлый клуб дыма.

Жилкин. Ленин-штрассе три...

Игнат тяжело взглянул на Вовку.

Жилкин не стал объяснять, махнул рукой вдоль железки.

Жилкин. Туда иди...

Игнат (подхватывая с земли сундучок). Хреново встречаете.

Жилкин (тихо). Работают все...

Игнат. А ты?

Жилкин поднял палец в небо.

Жилкин. Я мусыку сторожу...

Игнат шел вдоль путей.

На полосе отчуждения - ржавое железо, останки паровозов.

Депо.

Неровная улица потемневших от времени домов вдоль железнодорожного полотна.

На крыше конторы - мужики и бабы, приколачивали горячие от солнца железные листы. И тут же красили их красной краской.

Такой новенькой красной крыши не было ни на одном из домов Края.

Кабинет Колыванова.

Посреди кабинета – неожиданно надежный тяжелый резной стол с купидонами на ножках.

Старый велосипед у двери.

Однорукий Колыванов - мужик лет пятидесяти. Правый рукав его потертой гимнастерки был заправлен за ремень.

Перед Колывановым сидел Игнат.

Стук по железу мешал говорить.

Колыванов сверился с бумагой.

Колыванов. Значит, направлен к нам бригадиром ремонтников... Это хорошо...

Игнат. У тебя сколько паровозов?

Колыванов. Один... Еще Саркисян наездами... Но он не наш – лежневский... Ну и, конечно, Фишман...

Игнат. Я паровоз возьму...

Колыванов глянул на Игната.

Колыванов. Тут написано – что с машинистов ты списан... (добро) Давай-ка моей правой рукой...

Колыванов шевельнул обрубком правой руки.

Колыванов. ...свою в сорок третьем потерял, когда Орел брал.

Игнат хмуро посмотрел на пустой рукав колывановской гимнастерки.

Игнат (жестко, спокойно). Не дашь паровоз – дальше поеду...

Колыванов. А дальше некуда.

Паровоз шел по тайге.

Старый. Раздолбанный.

В будке - Колыванов, Игнат, Борька, Степан.

Степан вел паровоз.

Движения его уверенны и точны. Под задравшимся рукавом - лагерный номер.

Борька неохотно подкидывал в топку уголь. Из-за расстегнутого ворота его рубахи на огонь удивленно смотрело неверное, будто нарисованное ребенком, лицо товарища Сталина.

Борька (напевает себе под нос частушку):

Я голодный. Я холодный.

Нету сил моих пока.

Не показывай мне сиську,

Если нету молока.

Колыванов (Игнату, чтобы все слышали). Здесь, Игнат Петрович, понимаешь, контингент... Можно сказать - предатели Родины. О как... Назначены сюда после немецких лагерей и прочего такого всякого... (придвигаясь к Степану) Что они там у фашистов делали? Может, бомбы для Москвы? (Игнату) Ты здесь один такой...

Игнат. Какой?

Колыванов. Победитель...

Игнат. А ты?

Колыванов. Я – власть...

Паровоз подходил к делянке.

Треск, удары оземь падающих стволов. Пеньки. Освобожденные от сучков бревна.

Мужики и бабы валили лес, обрубали сучья, скатывали бревна.

Дыхание паровоза заставило их прервать работу.

Люди распрямляли спины, с любопытством смотрели на забитую народом будку.

Паровоз медленно шел вдоль делянки.

От толпы работавших отделилась женщина, заспешила за паровозом. Сильная крутобокая. Софья.

Софья (Колыванову). Колыванов, ты мне бумажку на допнак для Пашки подписал?! (машинисту, громко)
Степ, не гони!

Паровоз выдохнул... Замедлил ход.

Увидев Игната, Софья на ходу сняла платок, стрельнула глазами, стала прибираться волосы...

Колыванов. Надоели со своими подписями...

Колыванов принялся копаться в портфеле, зажав его между ног.

Колыванов (Игнату). Я левой, понимаешь, писать еще не научился... Ложку держать научился, баб гладить научился, на велосипеде научился, а вот писать...

Колыванов протянул Игнату мятую бумажку.

Колыванов (Игнату). Передай...

Игнат схватился за поручень, спустился на ступеньку, протянул бумажку.

Софья (Игнату). Здравсьте...

Софья взяла бумажку, снова посмотрела на Игната. Улыбнулась. Ямочки на щеках.

Паровоз прошел делянку, стал набирать ход.

Колыванов (Игнату). Может все-таки пойдешь рукой?

Игнат не ответил, легко взял Степана за плечо.

Игнат. Ну-ка...

Колыванов. Всё, Степан, сдавай должность. Теперь проверенный человек на транспорте будет...

Степан отошел, сел в проходе, свесив ноги, сплюнул в тайгу.

День. Остров.

На остров выбрался медведь. Он был огромен. Будто барак покрыли густой свалывшейся шерстью.

Медведь отряхнулся. Разбросал вокруг себя радугу брызг. Шумно втянул носом воздух. Улыбнулся кружившим вокруг головы пчелам.

Человек с ружьем сидел на дереве, целился.

Не видно ни лица, ни фигуры. Кажется, что из набросанных на сук вороха тряпок торчит ружье.

Выстрел. Пуля угодила медведю в лоб.

Медведь затряс головой, заревел.

Еще один выстрел. Еще одно меткое попадание.

Третья пуля – опять в голову.

Медведь нехотя развернулся, вошел в воду. Оставляя за собой красный след, поплыл прочь.

Депо – сколоченный из почерневших от времени досок ангар, наполнен железными конструкциями. Сквозь щели в стенах падал свет.

Звон металла.

На паровозе работали люди.

Борька шел вокруг паровоза с масленкой.

Буткус и Степан в будке - устанавливали инжектор.

Степан (продолжая разговор). Мы же поселенцы... Охраны никакой... Сел, да поехал...

Буткус. Далек ты уедешь, без паспорта...

Игнат выбрался из-под брюха машины, недовольно вытер руки, присел у колес.

Игнат (громко). Кто старший?!

Борька (громко). Товарищ Сталин!

Игнат (громко). Мастер!

Буткус не торопясь спустился из будки, посмотрел на Игната.

Буткус. Ну?

Игнат (вежливо). Фамилия...

Буткус. Буткус.

Игнат покивал. Поманил рукой.

Буткус присел.

Игнат (кивая под паровоз, спокойно). А ты туда заглядывал, (с легким ударением) Буткус? (мягко) Какой ты, нахер, мастер? Ходовая - ржа одна...

Буткус растер грязь по лицу, равнодушно посмотрел на Игната.

Около говорящих собирался народ.

Игнат. Русский понимаешь?

Буткус (Игнату, по-немецки). Я этот паровоз с нуля... (усмехнулся, посмотрел в землю, покачал головой, по-немецки) Дерьмо...

Игнат не дал Буткусу договорить протянул руку, схватил его за голову, приложил лицом о колесо. Еще раз... Еще...

Игнат (хрипло). Немецкий выучил... Русский учи... Теперь на народ рабо-ттаать (с напряжением произносит отдельные буквы) бу-удееееешь...

Пальцы вдруг стали плохо слушаться Игната, а язык - заплетаться.

Лоб покрылся испариной.

Не заметив перемены, Буткус рывком сбросил руки Игната.

Буткус (спокойно, громко, по-немецки). Кончай работу... (по-русски) Остальное начальник сделает...

Не утирая кровь, Буткус пошел от паровоза.

Народ со звоном побросал инструменты.

Игнат (отчетливо произнося каждое слово). Стоять - сказал!

Мужики пошли из депо.

Борька. Они такие... Победители... Все на халяву подай...

Тело не слушалось Игната.

Уходящие расплылись в воздухе, превратились в темные пятна.

Мир вокруг потерял очертания.

Вой, глухой, надрывный заставил людей обернуться.

Игнат лежал на шпалах, изо всех сил сжимал голову руками, пытался задавить боль.

Весна. Стоящий посреди поля паровоз.

Паровозный гудок, сильный, жесткий, спугнул лежащих на насыпи мужиков.

Машинист открыл глаза, приподнял голову, крикнул.

Машинист (зло). *Игнат!!!*

Кочегар, большой мужик в рваном полушубке, повернулся на бок.

Кочегар (бормочет недовольно). *Научили гудеть на свою голову.*

Из будки паровоза высунулся пацан лет девяти.

Машинист. *Чего шумишь? По ремню соскучился? (тихо, кочегару) У тебя ремень есть?*

Игнат. *Бать, поехали!*

Машинист (спокойнее). *Рычаг стронешь – поедем!*

Игнат вернулся в будку, без робости оглядел приборы, шмыгнул носом.

Машинист снова лег на землю, закрыл глаза, потянулся сладко.

Кочегар (не открывая глаз, тихо). *Сказанул. Ему еще года три рычаг не осилить.*

Машинист. *Пусть занимается. Все лучше, чем гудеть.*

Игнат подошел к рычагу, ухватился за ручку, налег.

Рычаг не поддавался.

Игнат покраснел, запыхтел.

Игнат. *Ааааа!*

Рычаг сместился на зубчик.

Паровоз вздрогнул. Пошел.

Игнат попытался вернуть рычаг на место. Не получилось.

Игнат выглянул из будки, увидел бегущих за паровозом отца и кочегара.

Игнат. *Батяяяя! Обратно никаааак!*

Машинист (кочегару, запыхавшись, радостно). *Вот так, бля...*

Паровоз набирал ход.

Кочегар подкинул дров в топку.

Машинист. *Сесть. Встать. Сесть. Встать.*

В тендере приседал Игнат.

Кочегар. *Да ладно, Фомич. Пацан еще...*

Машинист (заводясь). А уехал бы? А вмазался?

Кочегар (улыбаясь). Зато - рычаг сдвинул... Важный день!

Машинист (Игнату). Это тебе что?.. Игрушка?! (кочегару) Мой помощник в восемнадцатом тоже доигрался. Давление превысил... (спокойнее) Только кепку похоронили!

Игнат (не переставая приседать). Ты ж сам сказал... Ну я и...

Машинист (Игнату). Сесть. Встать. Сесть...

Игнат сидел по пояс голый на жестком медицинском лежаке.

Жилистый сутулый фельдшер шестидесяти лет заглянул Игнату в глаза, постучал пальцами по груди, послушал сердце, показал Игнату желтый прокуренный палец.

На руке фельдшера вытатуированный номер.

Фельдшер. На палец смотри.

Фельдшер подвигал палец вправо влево.

Игнат не двигал глазами вслед пальцу, смотрел прямо, на фельдшера.

Игнат. Самогоном пахнет.

Фельдшер. Дезинфекция. Самогон везде нужен.

Немецкий старенький шкафчик с лекарствами, небольшой столик, держатели для мутных пробирок - кабинет фельдшера аккуратный, но белая краска на мебели от времени стала серой, облупилась там, где до нее добрались солнце и вода.

Фельдшер. Вот если бы Гитлер, к примеру, двадцать первого июня тяпнул хорошенько, то может и войны не было.... Проснулся бы он у себя в бункере весь в слюнях, опилках, давленной картохе, увидел бы рядом растрепанную кем-то бабу... И подумал... Твою мать – какая нахрен война? Какие в жопу евреи? (пауза) Сколько контузий?

Игнат. Две...

Фельдшер. Голова кружится. Сознание теряешь. И не видишь ни хрена после приступа...

Игнат. Я все вижу...

Фельдшер полез Игнату в глаз.

Фельдшер. Ничего, завтра пройдет...

Игнат. В госпитале от боли морфин давали.

Фельдшер. Ишь чего захотел.

Фельдшер прошел в угол кабинета, откинул занавеску, черпанул в одном из пяти стоящих в ряд огромных молочных бидонов, поставил перед Игнатовым стакан с мутной жидкостью на два пальца от дна.

Фельдшер. Вот тебе морфин.

Фельдшер открыл ящик стола, положил рядом со стаканом сухую корку хлеба.

Фельдшер. С закуской...

За поселком, посреди поляны глядел ржавыми дырами в небо остов паровоза без тендера и ходовой. Зарастал землей.

Жилкин прошел от паровоза на север к кустам, замер, огляделся, нырнул в ветки..

За кустами были сложены шпалы. Посреди шпал чернел лаз.

Жилкин забрался в лаз, вытянул на свет, отряхнул от земли кожаный чемодан.

Медвежий рык прилетел из тайги.

Вовка забормотал быстро и неразборчиво.

Жилкин. Тын Дый Чи... Тын Дый Чи... Твое не беру... Свое беру... Не рычи, Тын Дый Чи... Мне и так страшно...

Кто-то будто стоял за Вовкой, легко дышал ему в затылок.

Жилкин обернулся - никого.

Жилкин придвинул к себе ружье, раскрыл чемодан, сдвинул в сторону цветные женские тряпки, достал из-под них небольшую эмалированную кастрюльку в цветочек.

Вечер. Сумерки.

Двор. Под навесом грубо сколоченные столы и скамьи. Столовая.

На одной из опор навеса – портрет Сталина.

Народ ужинал – стучал ложками по быстро пустеющим оловянным тарелкам. Кто-то курил, кто-то пил кипяток.

Слабый гул голосов.

За столом под портретом товарища Сталина - Колыванов.

Колыванов выкрикивал фамилии, с трудом ставил в конторской книге кривые кресты.

Колыванов. Бочаров!

Бочаров. Я...

Колыванов. Чибисов!..

Борька. Здесь...

Колыванов. Перельман.

Перельман. Тут.

Колыванов. Головина!

Борька. Матильда, плесни еще кипяточку.

Матильда (наливая кипяток из большого черного от копоты чайника). Еще раз Матильдой назовешь - в ширинку плесну...

Маленькая кудрявая собачка вертелась у нее под ногами. Матильда подняла собачку, взяла ее под мышку и сразу стала похожа на фрау в ватнике.

Матильда. Воды на тебя не натаскаешься...

Рядом с Борькой сидел Степан. Ел, глядел в тарелку.

Колыванов. Головина пришла?

Голос из-за дальнего стола. А мы думали - она у тебя... залежалась...

Колыванов (строго). Головина!

Матильда (злорадно). Убежала Головина.

Софья. К медведЮ пошла... Ковалеров мало... (с легкой ехидцей) товарищ Колыванов...

Софья сидела напротив Игната. Разглядывала его. Не стеснялась. Улыбалась глазами.

Камера движется вдоль лиц.

Тесно.

Вокруг Игната просторно.

Рядом с ним - лишь Вовка Жилкин.

Перед Игнатом - стакан кипятка.

Колыванов. Всю тайгу избегала уже... (громко) Дождется. Напишу докладную! Приедет Фишман...

Кто-то нехорошо хохотнул.

Колыванов зыркнул в народ. Смешок оборвался.

Жилкин (Игнату, продолжая рассказ). В войну тут никого не жил... Я жил... на фойну не всяли... Срение... (помахал рукой перед глазами) В оцках плохо визу... (вдохнул, погоревал для вида) Раньше дорога железка к акияну строили... А теперь новые люди дорога шелеска не строят... Сил нет... Теперь дерево рубят... Елка рубят... Сосна рубят... Белка бежит... Медведь удивляеса...

Жилкин вытащил из-под стола и отряхнул от земли эмалированную кастрюльку в цветочек.

Жилкин. Вот. Немеская, однако...

В глазах Игната мелькнула растерянность.

Игнат залпом выпил стакан кипятка. Выдохнул пар.

Игнат. А нормального котелка нет?

Жилкин с сожалением цокнул языком.

Жилкин. На Ленин-страссе это самая луцкая... Самогон еще есть. Дорого... Пол бутылки...

Игнат. Почему - пол?..

Жилкин. Давно продаю... Мало-мало выпил...

Игнат пихнул кастрюльку под стол.

Софья. Красивая у тебя кастрюлька... В цветочек...

Глаза у Софьи смеялись.

Софья. Что смотришь? Свиданку назначаешь?.. (пауза) Ну, не знаю... Меня мама может не отпустить.

Барак.

Они прошли мимо нар, через любопытные бабьи взгляды, к отгороженному закутку Софьи.

Шепот баб:

- Все... Попался вояка...

- Серьезный...

- Как на бой идет...

- На убой...

- Ну - Софа... Ну - молния...

- Опять спать не даст...

Софья плотно закрыла за собой хлипкую дверь.

Игнат. Где ж мама?

Софья. Смешной ты... Мамы и не было никогда...

Софья пошла завешивать маленькое аккуратное оконце.

Под столом что-то зашевелилось, забурчало недовольно.

Из-под старой скатерти на четвереньках выбрался малыш, перехваченный по тельцу ветхой веревкой.

Веревка была связана из распущенной в ленту мешковины.

Другой конец веревки привязан к железной ножке кровати.

Софья. Пашка мой... Скоро пойдет... Вот только говорить не хочет. И не смеется никогда... Не улыбнется даже... (со сдержанной гордостью) В поселке у меня одной дите... (обводит рукой закуток) Потому и хоромы...

По возрасту Пашка уже должен был и смеяться, и ходить, и говорить первые слова, но только ползал и гукал как сова.

Он по-собачьи вцепился Игнату зубами в ногу, сопел тяжело, не хотел отпустить.

Софья улыбнулась.

Софья (довольно). Он всегда так... Не оттащишь... Будто гирьку прицепили...

Стол накрыт. На тарелке - две картофелины в мундире и два стакана с самогоном.

Софья глядит на Игната внимательно, добро.

Софья. Тебя как зовут-то?

Игнат. Игнат.

Софья. Красивое имя.. (пауза) Выпьем?

Софья пригубила.

Игнат не тронул стакан.

Софья (мягко, будто рассказывает о чем-то обычном, семейном). Недавно мы тут... Не обустроились еще... Ничего... мы работающие... Других немцы не держали... (улыбнулась) Там немецкие лагеря... Тут наши... (пауза) А я не лагерная - без номера...

Софья задрала рукав по локоть, кокетливо покрутила чистой розовой рукой перед Игнатом.

Софья. У хозяев в работницах жила... Усадьба недалеко от Потсдама... Вон... (Кивнула на сына) Оттуда и Пашка... (пауза) Любовь у меня была...

Игнат взял ложку. Разломил пополам картофелину, что поменьше.

Игнат (с легкой злой иронией). Тяжело было? Под немцем?...

Софья резко встала, подошла к окну, отдернула занавеску.

Софья. Вали...

Пашка следил за Игнатом из дальнего угла...

Игнат аккуратно отложил ложку, сунул в рот половину картофелины.

Игнат (спокойно, с набитым ртом). Не уйду...

Депо. Каптерка.

Степан. Буткус. Борька. Вовка Жилкин, Тетерин.

Сидели за столом, пили из мутной бутылки.

Тетерин уже спал, наклонившись над столом.

Борька разливал самогон.

Буткус прикрыл свой неполный стакан ладонью.

Борька (Буткусу, недружелюбно). Хитрый ты, Буткус. Всегда мало пьешь... А по морде все равно получил.

Буткус (спокойно, по-русски). Ты меня не учи. Я сам себе человек.

Борька щелчком стрельнул в Буткуса свернутой в жгут бумажкой, что служила затычкой в бутылке.

Борька. Ты человек? Дядя Томас, ты ж немцам жопу лизал... Сука эстонская...

Буткус поднял бумажку с колен, аккуратно положил на стол.

Буткус (спокойно, с легким акцентом). Я сукка литовская... И не лизал, а поезда чинил...

Борька. Партизан фашистский.

Степан. Хорош собачиться... Еще по пол стакашки и все...

Борька (с готовностью). У фельдшера самогон лечебный...

Жилкин пододвинул Борьке стакан.

Жилкин. Мне тада больсе налей. Лесиса буду...

Борька. Тебе-то зачем лечиться?.. Сам, говорят, лечишь...

Жилкин удивленно посмотрел на Борьку, не ответил, затянулся. Выдохнул дым на грудь.

Борька (мужикам). ...и меня вон - Матильде вернул... (пауза) Жилкин, а найди мне другую бабу...
Помясистой...

Жилкин. Не полусиса... У тебя на теле картинки не интересные...

Мужики усмехнулись.

Борька хмыкнул обиженно и вдруг заулыбался пьяно, кивнул на Степана...

Борька. Тогда вот ему помоги (глотнул самогона, Степану, с пьяной издевкой) Как ты все это терпишь?
Сначала паровоз, а теперь и Софью твою...

Борька не договорил.

Степан без замаха двинул ему стаканом в лицо.

Степан посмотрел тяжело на Буткуса, на схватившегося за нос мокрого от самогона Борьку, допил капли, что остались на дне после удара, поставил на стол треснувший в руке стакан.

Степан. Считаю, что струсил.

Софья и Игнат в кровати.

Смотрели в потолок.

Где-то под столом возился Пашка.

Софья. Ты с бабой давно не лежал?

Игнат. Давно...

Софья протянула руку под одеяло. Тронула Игната.

Пауза.

Софья (участливо). А ты можешь?

Игнат не ответил.

Софья: Ничего... Это ничего...

Софья держала в руках член Игната. Терла его все сильнее.

Пот на ее лбу и губах.

Софья. Ты трогай меня... трогай... ага... целуй...

Игнат. Куда?

Софья. Куда хошь...

Шрам на животе Софьи, будто кто-то, от пупка до лобка, полоснул шашкой.

Жарко. Душно. Работа.

Софья над Игнатом, касается сосками его лица.

Софья (спокойно). Соси их... Соси... Как дитё... Вот так... Вот так...

Игнат на Софье. Его движения злы и энергичны...

Софья сидит на Игнате.

Двигается старается, словно дерево пилит.

Софья. Работаем... Работаем... Ударно! По-стахановски! Так... Так... Какая я... Какаааяя... Так... Так...

Игнат на Софье.

Игнат напрягся... выдохнул тяжело... так же тяжело, подняв ноги к потолку, выдохнула Софья.

Софья: Уфффф...

Их лица красны и мокры...

Софья и Игнат лежали рядом под мокрой грубой тканью. Не могли отдышаться.

Софья улыбнулась победительницей, потрепала Игната по мокрому жесткому ежику волос.

Софья (ласково). Эх ты, Гнаша-Игнаша... А говоришь – контузия...

Ночь.

Степан хмуро шел за Жилкиным по улице.

Вовка держал в одной руке молоток. В другой - пустой стакан. Вовку пошатывало.

Жилкин. А ты больше верь бабам... Ходят... Ходят... Музыка давай... А где я им музыка найду? (проходя мимо барака, громко дому) Мало музыков... (тише) Хрибов - и то мало...

Проходя мимо барака, где жили бабы, Степан вдруг остановился.

Жилкин. Сего встал? Посли...

Жилкин потянул Степана за рукав.

Степан медленно высвободил рукав.

Стоял. Хмуро смотрел в окно Софьи.

Жилкин (посмотрев в окно Софьи). Софью вернуть трудно... Дорого... Ся все уснаем... Посли...

Степан нехотя пошел за Жилкиным.

Вышли на станцию, к насыпи.

Вовка подошел к рельсам, поглядел в даль... Махнул вдоль путей.

Жилкин. Так... Будусее тама...

Вовка стукнул молотком по рельсам.

Железо запело.

Когда звук затих, Вовка лег на насыпь, повернулся лицом в будущее, приложил к железу ухо и захрапел.

Степан пнул заснувшего Вовку под ребро, тот бодро сел, огляделся, утер со рта слюну. На щеке красным отпечатался рельс.

Жилкин (поскреб макушку). Глупость тебе выходит, знасит... Убьес кого-то... А Софья... Мозет вернется... Мозет не вернется... Непонятно... Но убить придется...

Степан. Игната?

Вовка снова пожал плечами.

Жилкин. Кого-нибудь...

Ночь.

Депо.

Дежурный кочегар Борька и Тетерин спали на верстаке.

Борька обнимал пустую бутыль.

Тень человека проскользнула на паровоз.

Будка паровоза.

Кто-то открывает топку. Топка погасла.

Медный колпачок пробки закрывал отверстие в паровой котел напротив места машиниста.

Человек снял колпачок.

Сквозь новую дыру паровоз мягко дыхнул паром.

Человек криво насадил колпачок на резьбу, затянул гаечным ключом. Для увеличения плеча на гаечный ключ человек накиннул обрезок трубы.

Теперь пробка чуть криво сидела на своем месте.

Слабый звон металла долетел с паровоза.

Борька вздохнул во сне, прижался к бутылки другой щекой.

Остров. Тайга. День.

По земле по жухлой листве шла птица, клевала червей.

Взметнулась листва.

Полетели вверх птичьи перья.

Будто кто-то схватил птицу из-под земли.

Солнечный день.

Красная Звезда и медаль горели на груди Игната.

Музыка из репродуктора.

Игнат нес Пашку на плечах. Через рельсы. Мимо пытящего на путях паровоза.

Софья (продолжая разговор). Баб у нас много... Мужиков мало... Их больше по лагерям расселяют... Вот и хватанула Степку... А он, дурашка, пристыл...

Софья пощекотала Пашку, ей хотелось, чтобы он засмеялся.

Пашка хмурился. Щекотка ему не нравилась.

Софья вздохнула, крепко взяла Игната под руку. Прижалась грудью.

Игнат. Прямо, как праздник.

Софья. У нас один праздник и есть - банный день. Все такие сразу чистые... светлые...

Бабы с шайками и ведрами шли в аккуратно подлатанный дом, из трубы которого скользил прозрачный дымок.

Софья приняла Пашку, улыбнулась вслед забравшемуся в паровозную будку Игнату.

Софья. Пойдем, Павел Игнатиич...

Паровоз прошел мимо сидящих на завалинке баб, что ждали своей очереди у кабинета фельдшера. Уже отмытые. Румяные. Спокойные. Матильда, Плахова, Головина...

Из двери кабинета, докуривая самокрутку, вышел фельдшер. Рукава его старенького халата были засучены.

Фельдшер (бабам, громко). Следующая!

Одна из баб поднялась с завалинки.

Фельдшер (бабе). Опять ты? Сказал же - не беременная...

Баба (проходя мимо фельдшера). А меня еще на предмет женских болезней посмотреть...

Фельдшер (устало). Стар я - на этот предмет смотреть...

Из двери конторы вывел велосипед Колыванов, оглядел сидящих баб.

Колыванов. Головина, поди-ка!

Головина. Сам - поди...

Колыванов подкатил велосипед ближе.

Колыванов. Ты чего тут?

Головина (с вызовом). А может я тоже... беременная?

Бабы замолкли. Прислушались.

Колыванов. Забеременеешь... По лесам бегая...

Головина подняла глаза на Колыванова.

Головина (прямо глядя на Колыванова). Быстрее, чем с некоторыми...

Колыванов нахмурился, закинул ногу на велосипед.

Колыванов (громко). Побегаете у меня... Воли вам мало? А то как отменят вам вольное поселение, сделают тут лагерь... И роту солдат на вышки...

Матильда. Молоденьких...

Плахова. Заждались...

Бабы с ухмылкой смотрели на Колыванова. Появление роты солдат, пришлась им по душе.

Колыванов (замечая ухмылки баб, зло). И зря сидите! Не беременные вы! Без фельдшера вижу!

Запетлял вдоль путей.

Бабы разом закричали вслед:

Матильда (кричит вслед Колыванову). Иди ты на хрен!

Плахова (кричит вслед Колыванову почти одновременно с Матильдой). Кати-кати!

Матильда (улыбнулась Головиной, тихо). Зря ты его опять бросила... Мужик-то... Почти целый...

Бум-Бум-Бум...

Колыванов несся по тайге на велосипеде.

За ним бежал медведь.

Медведь остановился. Встал на задние лапы. Фыркнул. Улыбнулся. Жужжание пчел вокруг его головы.

Делянка.

Треск. Падают спиленные деревья.

Паровоз Игната выпустил пар.

Стволы закатывались на платформу.

Софья работала на закатке.

Софья. Бабы, взяли! И раз...

Бабы стали поднимать бревно по лагам...

Из будки высунулся Борька. Лыбился, глядя на баб.

Борька. Райка, правый край заваливаешь!

Плахова (Борьке). Пошел ты!!! Вот вырастит с бревно, как у начальника тваво... Тогда и покомандуешь...

Последнее бревно закатилось на платформу.

Любка (весело). Какое бревно? Он в кровати только спать умеет!

Головина (весело). И храпеть!

Плахова (мечтательно). Ой, как же он храпит хорошо...

Софья. А ну хватит завидовать!

Бабы закрепили бревна, уселись сверху.

Софья села поближе к тендеру.

Борька. Бабы!... А кто со мной похрапит?

Будка паровоза.

Игнат затянул крепление, постучал ключом по коробке скоростемера. Теперь немецкий скоростемер с цифрой двести пятьдесят стоял вместо старого.

Старый скоростемер лежал на полу будки. На его шкале на конце дуги стояла лишь цифра семьдесят.

Игнат (Борьке). Хорош болтать. Переводи стрелку... Поехали...

Борька. Ждать надо.... Пока лежневский проследует.

Игнат (с нажимом). Переводи...

Борька. Да ты что?.. По встрече???

Игнат. По речке!

Тайга. Два пути.

Паровоз Игната шел по встречной ветке, набирал ход, медленно догонял паровоз Саркисяна, тянувший пустой товарный вагон с открытыми настежь дверями.

Паровоз Саркисяна пересекала грязно белая линия. Белые диски колес. Окна будки обведены коричневой краской.

Посреди вагона стояла клетка. В клетке сидели две худые курицы.

Борька (усмехаясь). Саркисян. Всегда со своими курицами... Боится, что без него сожрет кто.

Помощник Саркисяна снял с котла лопату, на которой жарилась яичница.

Саркисян взял черенок лопаты левой рукой, с усмешкой посмотрел на Игната, ковырнул яичницу вилкой.

Саркисян (Игнату). Ты правила знаешь? Что по встрече нельзя, знаешь?

Игнат не ответил.

Саркисян (помощнику, по-армянски). Чего стоишь - слушаешь? Добавь-добавь...

Помощник забегал, засуетился.

Саркисян (Игнату). Говорят, ты все у Степана поодбирал... Жаль... Единственный был машинист...

Саркисян отправил кусок яичницы в рот, улыбнулся, посмотрел на бегущий навстречу путь, на прицепленные к паровозу Игната, платформы, на сидевших на бревнах баб.

Саркисян. А еще говорят - припадки у тебя... Что списанный...

В руках Игната появился тяжелый скребок. В глазах родился нехороший блеск.

Саркисян сделал вид, что не увидел скребка, но, на всякий случай, промокнув опустевшую лопату хлебушком, отступил от окна вглубь будки.

Паровоз Саркисяна увеличил скорость.

Игнат двинул регулятор.

Борька. Ты чего?

Игнат (тихо). Зубчик накинул... (не зло передразнивая) Чего... (пауза) Давление прибавь.

Борька подкинул в топку угля, подкачал воды, посмотрел с любопытством.

Паровозы тряслись рядом, будка к будке.

Стрелка давления в котле сдвинулась на одно деление.

Крупный план медной пробки против места, где сидел Игнат.

Игнат (себе). Еще пол зубчика ...

Борька. У него вагон легкий... А у нас бревна и бабы...

Игнат не ответил. Упер регулятор в пятку.

Давление в котле ползло вверх.

Состав подпрыгивал на кривых, плохо уложенных, рельсах.

Бревна на платформах ходили ходуном.

Ругались сидящие на бревнах бабы:

- (не вынимая самокрутки изо рта) Ты куда гонишь, машинист херов?!

- Сбавь, холера!!! Сбаавь!!!

- Стоооой, контуженый !!! Я бревна обоссалААААААА!

В криках все больше возмущения и страха.

Два паровоза шли вровень.

Борька запустил в будку Саркисяна большим куском угля.

Уголь ударило в стойку будки.

Борька (кричит весело). Свистну я твоих курей, Саркисян!

Борька показал паровозу жопу.

Из темноты будки возник Саркисян.

Саркисян (кричит Игнату по-русски). Сволочь ты... Скотина.... (продолжает кричать по-армянски указывая пальцем то на Игната, то на Борьку) Я твою маму имел... и его маму... и бабушку его... а твою бабушку - нет... она страшная была...

Игнат высунулся из будки. Глаза его горели.

Игнат (весело, азартно). Борька, наддай!

Крупный план медной пробки. Пробка будто нацелена на машиниста. Острая струйка пара вырывалась из-под нее.

- Ты что? Ты что? Караул!!! Мамочки! Снимите меня!!! Ааааа!!!! – еще сильнее заголосили бабы на ходивших ходуном бревнах.

Софью чуть не сбросило с платформы..

Софья (тихо, зло). Что ж ты делаешь?

Забились куры в клетке.

В лица вцепившихся в бревна баб полетели перья.

Топили вприхлопку. Игнат коротко открывал шуровку. Борька кидал уголь.

Тяжелая платформа с бревнами не давала Игнату разогнаться.

Что-то кричал своему помощнику Саркисян. Но его паровоз тоже не мог вырваться вперед.

Пробку сорвало, шарахнуло медью мимо Игната по стенке. Из отверстия дало паром.

Игната выбросило из будки.

Через тендер, оставляя за собой горячее облако, выпрыгнул Борька.

Посыпались с бревен бабы.

Окутанный паром паровоз ехал все медленнее.

Кабинет Колыванова.

Колыванов стучал рукой по пухлому рыжему портфелю, говорил основательно.

Колыванов. Понимаешь, что теперь тюрьма?!!! Фишман приедет... И посадят! И за гонки, и за паровоз!

Колыванов махнул рукой.

Колыванов. Ты ж фронтовик... Опора! В стране нехватка, блядь, во всем... Голод... Военное положение на транспорте... План... А чем мне кормить предателей Родины?.. Столько человек паровоз этот ждали, до ума доводили?! А ты!? Шестьдесят километров дал! По встрече!!! Давление превысил! Хорошо - помощник прыткий – не сварился...

Игнат аккуратно оторвал с лица кусочек болтавшейся кожи.

Игнат. Давление не превышал...

Колыванов (кричит). А почему рвануло?... Контуженый ты наш вредитель... Шестьдесят!!!

Игнат. Без состава можно и семьдесят...

Колыванов. Что?!!!

Колыванов подошел к Игнату вплотную. Дыхнул луком.

Колыванов (совсем тихо). Что?

Удар. Еще удар.

Солнышко.

Поворотный круг.

Деповские, Бочаров, Тетерин и другие мужики с добрыми лицами обстоятельно били Игната.

Пинали ногами.

Народу было много.

Игнат лежал посреди круга, прикрывал голову руками.

У Борьки было красное от пара лицо.

Борька. Сварить меня хотел...

Фельдшер и Степан курили рядом.

Фельдшер. По башке не бейте... У него башка слабая...

Степан (голос за кадром). Кончай перекур! Пошли работать...

Буткус. Арбайтен... (по-русски) Работать пошли...

Мужики разошлись.

Игнат остался один.

Поднялся.

Обстоятельно отряхнул от грязи гимнастерку, вытер выступившую на скуле кровь, пошел к паровозу, забрался в будку, зазвенел ключами.

Степан и Буткус посмотрели ему вслед.

Буткус. Упорный...

Буткус пошел к Игнату.

Степан (останавливая его). Пусть... Мне специалисты нужны...

Будка паровоза. Игнат забрал скоростемер, Игнат провел пальцем по сорванной резьбе втулки.

Степан и Буткус.

Степан. Это ведь ты ему пробку перекрутил?

Буткус не ответил.

Степан. Ни я... Ни Борька... Тот сам чуть не пожегся...

Буткус (спокойно). Чуть - не считается...

Степан. Значит - ты...

Буткус (не сразу, спокойно, с расстановкой). Не люблю победителей... (пауза) А этот всех подомнет...

Двор перед баракom. Ветерок лениво полоскал серые простыни и рваное белье на веревках.

Игнат сидел на кривой скамеечке.

На коленях Игната лежал скоростемер. Игнат вытаскивал из скоростемера осколки стекла.

Софья пожевала листок, приложила его к ссадине на лице Игната.

На ее лице - ссадины. На подбородке - синяк.

Игнат поморщился от боли. Отвернулся.

Софья (с каждой фразой говорит все злее). Паровозы твои чертовы... Трехнулся уже с ними... Плахова вон лежит - охает.. Меня садануло... Перестань игратья!!!

Софья сорвала листок из-под скамейки, пожевала его, приложила его к ссадине на своем лице.

Софья. Что за часики?

Игнат. Скорость мерять...

Софья. На кой они тебе?

Игнат. Трофей.

Игнат послушно отложил скоростемер.

Софья потрогала свой синяк, поморщилась. Приложила к нему еще один жеваный листок.

Софья (вздохнув). Как-то ты у нас не задался... (пауза) Может, уедешь?

Игнат. Мне и здесь хорошо.

Лицо Софьи просветлело.

Софья. Ничего... Как-нибудь... (пауза) Степан тоже хотел до семьдесяти разогнался... Не вышло...

За простыней зашелестело, заволновалось, заворочалось.

Из-под нее выбрался Пашка в шлеме танкиста. Из шлема торчал лишь его подбородок.

Пашка подполз к Игнату.

Игнат протянул ему руку.

Пашка привычно укусил жесткую ладонь.

Засопел.

Держал крепко.

Вовка Жилкин залег в кустах на берегу около развороченного моста.

Прижал ружье к плечу. Прицелился в остров.

Плавно нажал на курок.

Выстрел прокатился эхом над рекой.

Вовка прищурился. Приподнял голову.

Ответный выстрел срезал ветку над его шапкой.

Вовка Жилкин вздохнул, пополз от берега прочь.

Заслонка открыта.

Уголь летит в топку.

Заслонка закрыта.

Игнат легко подбрасывает уголь на лоток.

Заслонка открыта.

Уголь летит в топку.

Заслонка закрыта.

Игнат останавливается, переводит дух.

Он в будке паровоза вместе со Степаном.

Игнат. Можно еще подкинуть.

Степан. Остынь, кочегар... (пауза, спокойно) Быстрее меня тут никто не ездит...

Не глядя на Степана, Игнат подбросил угля на лоток.

Игнат. Пробку мимо резьбы тоже ты крутанул?

Степан смотрел на уносившиеся назад деревья.

Степан (спокойно). Может и я...

Игнат (с иронией). Что, пришибить меня хочешь?.. Делов-то... Сзади - да по темечку...

Степан. Софья тебе зачем?

Игнат распрямился, прямо глянул на Степана.

Игнат (жестко). Трофей.

Степан двинул Игната в лицо. С губ брызнула кровь.

Игнат ответил. Степан отлетел к стене.

Ударил по тормозам.

Глаза Игната азартно блеснули.

Еще мгновение они стояли друг против друга.

Игнат. Давай... Давай...

Степан. Угля...

Степан повернулся к Игнату спиной, основательно, как хозяин, положил руку на регулятор.

Степан (спокойно). Угля подкинь...

Игнат аккуратно поставил в угол лопату, не торопясь спустился по ступенькам, спрыгнул на насыпь.

Поляна за депо.

Игнат лежал на траве. Жевал травинку.

Рядом с ним сидел Вовка Жилкин.

Вовка оторвал большую травинку, подражая Игнату, сунул себе в рот.

Жилкин. Самогон будес? Вовка угощает.

Игнат. На работе не пью.

Жилкин. Вовка ретко угосяет...

Игнат молчал.

Жилкин. Вовка продает все... Самогон.... Туда-сюда вещи... Рыба вяленая... Паявос... Не берут...

Игнат повернул голову, внимательно посмотрел на Жилкина.

Жилкин. Появос - осень дорого...

Игнат сел.

Жилкин. Осень-осень дорого...

Лунная ночь.

Керосиновая лампа на ржавой, тяжело идущей дрезине.

Игнат, Вовка и Софья толкали дрезину. Та медленно набирала ход.

Жилкин (толкая дрезину). Скасать сабыл... Мертфый селовек там живет... На острове... (пауза) Софсем-софсем мертвый... Ружье у меня ворофал... Патрон ворофал... Списьки... Ты его опять убей...

Игнат уже не слушал Вовку, запрыгнул на дрезину, надавил на рычаг.

Софья (Игнату). Кастрюльку забыл...

Рядом с Игнатом шарманка, топор, пила, веревка, инструменты - ключи разной величины. Один из них очень большой. Такой и двоим поднять не легко.

Софья еле успела забрать лампу с дрезины.

Накатанные блестящие под лунной рельсы сменили тусклые ржавые, заросшие травой.

Жилкин (кричит вслед). Там есе мост мало-мало сломатый... Летоход был. Мост ломал...

Софья долго смотрела вслед дрезине.

На шапке Жилкина алел Орден Красной Звезды.

Софья (все так же глядя вслед Игнату). Это что же у тебя на шапке, паскудник?

Жилкин снял шапку, спрятал за спину.

Игнат двигал рычагом, не оглядываясь.

Софья и Вовка все еще стояли на путях. Они все дальше. Все меньше огонек.

Все темнее и строже становилось вокруг.

Раннее утро.

Травы на путях стало меньше.

Подбитые камнем рельсы вытянулись, пошли под уклон. Дрезина покатила легко. Хорошо.

Игнат прибавил.

Слушал, как стук на стыках становится все чаще.

Дрезина въехала в туман.

Шум воды.

Игнат успел затормозить.

Дрезина остановилась на высоком мосту. Над бурлящей на порогах водой.

Посреди моста - огромная дыра, будто кто-то вырвал и утащил с собой часть опор.

Остатки опор поднимались из потока черным искореженным железом.

Среди железа кипела вода.

Игнат легко спрыгнул с дрезины, огляделся.

Черные неясные механизмы в тумане на берегу. Будто гиганты в одночасье оставили здесь свое дело.

Игнат привязал к голове свернутые в голенище сапоги, не раздеваясь, вошел в быструю воду.

Поток ударил в него, потащил, закружил.

Солнце выглянуло из-за леса, туман умирал, рвался в клочья.

Игнат с трудом выбрался на берег острова, бросил на землю сапоги, как собака тряхнул мокрой головой.

Тень мелькнула между деревьев.

Игнат пошел по рельсам сквозь плотно заросший путь.

И он увидел паровоз.

Увидел покрытый мхом и ветками холм с норой посередине, курган, сверху которого торчала труба буржуйки.

Тендер давила кривая, покрытая дерном крыша.

Колеса были плотно закрыты валежником и дерном, чтобы ветер не студил низ.

Над поляной сидели вороны. Ждали.

Ветер задержал дыхание. Спрятался меж деревьев.

Солнечный зайчик.

Из темной норы блеснуло наведенное на Игната ружье.

Кто-то пальнул по нему из двух стволов.

Игнат побежал к паровозу.

Лежащий в темноте будки человек походил на куль из тряпок. Он переломил ружье пополам, торопился, вставлял в стволы новые патроны.

Игнат ухватил переломленное ружье за стволы, рванул на себя, ударил двустволкой по человеку. Тот увернулся.

Искры от удара железа по железу. Треснул приклад.

Игнат подмял человека, схватил за горло.

Человек заверещал. Капюшон открыл его лицо.

На Игната смотрели дикие глаза чумазой девчонки.

Девчонка зашипела, резко мазнула Игната ногтями по лицу с обеих рук, выпрыгнула из будки, убежала в лес.

Игнат выбил наглухо закрытое окно.

В будке было убрано. Аккуратно. Посреди комнаты – печка буржуйка. Узкая койка из нескольких досок.

Игнат выбил второе окно, пнул койку так, что на пол полетели доски, сорвал войлок со входа, чихнул от поднявшейся в воздух тонкой высушенной годами земляной пыли.

Игнат бросал вещи на полянку перед паровозом. Миска, тряпки, сломанное надвое бесполезное ружье...

Бумм - ружье ударилось в рельс, что лежал посреди поляны.

На полу - книжка на русском языке с ятями и паровозом на обложке. Учебник.

Игнат дернул рычаг шуровки.

Темная топка медленно открылась с громким визгом.

Девчонка за кустами сидела на вросших в землю шпалах. Она оторвала от своих тряпок узкую ленту, стянула треснувший приклад.

Игнат освобождал колеса, срывал темные сгнившие доски.

С паровоза сходила земляная корка, обнажая схваченное ржавчиной железо.

Из-за кустов девчонка целилась в Игната.

Щелчок. Выстрела не было. Кривые курки не били по капсулю.

За деревьями, за кустами громко трещали сухие ветки.

То с одной стороны, то с другой в Игната летели кедровые шишки, камни...

Тяжелая полная орехов шишка попала Игнату в голову.

Игнат чертыхнулся, наугад запустил в кусты трубу от буржуйки.

Взял буржуйку и запустил следом.

Разлетелось в щепы хлипкое сухое деревце.

За кустами стихло.

Игнат оглядывал механизм ходовой, стукнул молотком по железу.

Паровоз отозвался правильным звуком.

Игнат прошел вдоль паровоза, стукнул еще раз.

Послушал.

Игнат (удивленно). Смотри-ка, живой...

Звук от удара по железу заполнил все вокруг.

Игнат остановился на рельсах, пошатнулся, огляделся.

Уронил молоток, неровно пошел к речке.

Путь расплывался перед ним, деревья качались, земля скользила из-под ног...

Игнат завыл, завалился на бок, схватился за голову. Сжал ее большими руками. Задышал с перерывами.

Подтянул ноги к груди.

Затрещали кусты. Девчонка возникла рядом, встал над Игнатом, перехватила ружье за дуло.

Замахнулась.

Удар пришелся по согнутым рукам Игната.

Приклад отлетел.

Игнат попытался встать, не смог. Не было сил.

Он ухватил девчонку за подол, потянул на себя.

Та потеряла равновесие, упала спиной на Игната.

Игнат прихватил ее за шею сгибом локтя, притянул к себе, потерял сознание.

Девчонка захрипела, дернулась. Не могла выбраться.

Злой взгляд ее стал беспомощным и задумчивым.

Девчонка затихла.

В зрачках ее отразилось небо.

Делянка.

Софья воткнула в дерево тяжелый топор, присела на бревно рядом с Колывановым,

Колыванов огляделся, вздохнул, достал из кармана кисет, неровный листочек бумаги, попытался скатать самокрутку.

Колыванов. Твой-то машину сломал и смотался... Скоро жрать будет нечего... В тайге - шишь. Передохнем зимой... (пауза) А он еще и дрезину спер... Ну и где Гнаша твой?..

Табак просыпался на колени. Колыванов чертыхнулся.

Софья. Вольный человек... Уехал... Приедет...

Софья взяла у Колыванова табак и бумагу, начала ловко скручивать самокрутку.

Колыванов (спокойно). Это он тебе сказал, что приедет? Ох бабы - бабы...

Софья. Ты меня за дуру не держи...

Софья протянула Колыванову самокрутку.

Колыванов все злее чиркал спичкой о зажатый между колен коробок.

Колыванов (заводясь, не вынимая самокрутки изо рта). Вся жизнь твоя бестолковая... Немец... Степка... Кто победитель - с тем и любовь...

Спичка переломилась.

Колыванов чертыхнулся.

Софья забрала спички у Колыванова.

Колыванов. А он от тебя сбежал... И от всех нас убежал... О как! Он что думает? Если фронтовик, то все можно?

Колыванов погрозил Софье самокруткой.

Колыванов (с напором). Нееет... Шалишь... Ничего нельзя... Ни-че-го... Вот приедет Фишман и заберет всю эту диверсию...

Софья чиркнула спичкой, протянула Колыванову огонек. Колыванов потянулся самокруткой.

Софья. Я за Игната, тебе, Колыванов, руку последнюю оторву... (не дав Колыванову прикурить, задула горящую спичку) Хошь, прямо шас?

- Ааааа!!!

Что-то большое и кричащее упало в бурную реку.

Вверх из воды тянулась веревка.

Веревка натянулась.

Девчонка вынырнула, судорожно глотнула воздух, уцепилась за веревку.

Быстрая вода. Буруны. Пена.

С края моста вниз посмотрел Игнат.

В одной руке он держал веревку, другая указывала на противоположную часть моста.

Игнат. Туда плыви! Туда!!! Веревку закрепи!

Эльза (кричит захлебываясь, по-немецки). Аааа! Вытащи меня! Вытащи меня! Гад! Я же утону сволочь! ... Сволочь! Аааа!!! Помогите...

Игнат поднял бровь, прислушался к немецкой речи, подтянул девчонку из воды.

Веревка петлей охватывала ее тело.

Девчонка принялась карабкаться по веревке вверх. Сорвалась. Ушла под воду.

Эльза (отплевываясь, тихо, зло). Дерьмо... Убью тебя!

Игнат напряженно вслушивался в немецкую речь.

Эльза (упрямо). Ты умрешь сегодня... Ты сегодня умрешь... Жопа... Два раза - жопа...

Девчонка снова попыталась забраться по веревке вверх.

Игнат ослабил веревку.

Девчонка ударилась об опору, погрузилась с воду с головой. Пропала.

Игнат присел над дырой, заглянул бурлящую воду.

Игнат. Суки... И сюда добрались...

День.

Игнат сидел у костра.

Немка сидела напротив, дрожала от холода. Зло смотрела на Игната сквозь огонь.

От нее шел пар.

Игнат (прихватив двумя пальцами гимнастерку). Сними тряпье... Просушись...

Немка все так же зло смотрел на Игната.

Игнат встал, подошел к немке, попытался снять с нее одежду.

Немка укусила Игната за руку, убежала в лес.

Игнат. Контуженная...

Игнат рубил березу, остановился, вытер пот, посмотрел вверх.

Игнат. Слезай!.. Арбайтен пора!

Немка плюнула в Игната.

Она сидела на березе, крепко обхватив руками дерево.

Игнат взялся за топор.

Игнат (спокойно). Ну, ладно...

В глазах девчонки злость и упорство.

Дерево, на котором она сидела, затрещало, покачнулось, упало вниз.

Одно дерево, второе, третье.

Игнат и девчонка пилили деревья.
Девчонка с ненавистью смотрел на Игната.
Девчонка бросила пилу. Она с трудом стояла на ногах.
На ее руке крупный порез.
Кровь.
Девчонка лизнула порез.
Игнат. Арбайтен... Арбайтен... По-стахановски...
Девчонка пошатываясь, пошла прочь.
Веревка натянулась. Девчонка была привязана к дереву.
Она упала, зашипела.

Ночь.
Игнат лежал, положив голову на руку. Глаза закрыты.
Длинная щепка около глаза Игната.
Еще немного и ее острое коснется века. Пробьет тонкую кожу.
Девчонка замерла, готовясь нанести удар, но вдруг придвинулась к лицу Игната, послушала его дыхание.
Поползла вдоль Игната.
Понюхала живот, штаны...
Фыркнула...
Отодвинулась.
Кинула щепку в догоравший костер.

Игнат подбросил в топку березовых дров, вытащил скроенную из гильзы зажигалку, оглянулся, поискал что-то, посмотрел на девчонку, оторвал от ее рукава кусок замасленной тряпки, поджог, бросил в топку.

Дрова лениво занялись.
Девчонка сняла с головы Игната пилотку, бросила в огонь.
Пилотка легко принялась гореть.
Игнат встал.
В будке потемнело.
Игнат навис над девчонкой, схватил ее за грудки... Приподнял... Прижал к стенке.
Девчонка заболтала в воздухе ногами... захрипела... Дернулась.
Глаза ее закатились.
Игнат (ослабляя хватку, спокойно). А теперь подтапливаем...

Паровоз выпустил первый клуб пара.

Что-то внутри паровоза гудело, стучало, скрежетало.

Игнат послушал, перевел регулятор движения.

Паровоз дернулся, двинулся с места.

Игнат сумасшедше смотрел на железо.

Паровоз срезал деревца, которые выросли на путях за четыре года.

Девчонка с любопытством наблюдала за ожившими приборами.

Игнат глянул на девчонку.

Эльза (по-немецки, тихо). Живой...

Паровоз медленно шел по острову.

Рельсы. Тайга. Будка идущего паровоза.

Семнадцатилетняя Эльза уютно куталась в пушистую шубку. Смотрела на проплывающие мимо деревья. Рядом с Эльзой стояли ее отец - герр Ханеке и Густав - молодой немец с острым горлом.

В тендере на тряпке были аккуратно поставлены два крепких кожаных чемодана.

Эльза (по-немецки). Хорошо здесь.

Ханеке (по-немецки). Подожди, мы еще не приехали.

Паровоз вел Саркисян.

Волосы его еще не успели побелеть.

Помощник Саркисяна стоял, облокотившись о лопату, как на заморские диковины, таращился на немцев.

Саркисян (помощнику, тихо). Глаза не прогляди... Гляделка...

Густав (Ханеке, по-немецки). Для меня большая честь быть вашим помощником, герр Ханеке... Ваш мост через Рейн вошел во все учебники.

Ханеке (по-немецки). Спасибо, Густав. (улыбнувшись) Русские приглашали меня весьма настойчиво...

Густав (Ханеке, по-немецки). Вас здесь очень ждут... Вчера даже главную улицу в поселке переименовали на немецкий манер "Ленин штрассе"...

Эльза заметила грязь на руке, принялась старательно оттирать ее платком.

Эльза (по-немецки, весело). Ну вот... а я уже испачкалась...

Грязь с ладони не оттиралась.

Эльза (по-немецки, весело). Интересно – эту грязь можно отмыть?

Густав (по-немецки, Эльзе). Извините, я не нашел для вас вагон. Не хватает даже теплушек для рабочих. Большая стройка... Очень большая...

Саркисян повернул рычаг тормоза. Паровоз остановился.

Саркисян полез из будки.

Помощник (Саркисяну). Ты куда?

Саркисян (помощнику, спокойно). Елки считать...

Густав (помощнику на ломаном русском). Што он гофорить? Я плехо расобраль...

Помощник (Густаву). Пописать пошел!

Густав (кивая, на ломаном русском, хотя не понял о чем речь). Паписать.. да... Мы подоштать?

Помощник (отложив лопату, сел, тихо, добро, с иронией). Да уж придется...

Саркисян не торопясь спустился на насыпь. Проваливаясь по колено в сугроб, пошел в лес.

Ханеке (по-немецки, Густаву). Вы талант, Густав, здесь всего неделю и уже неплохо говорите по-русски...

Густав (по-немецки). Перед отъездом я три месяца занимался с преподавателем в Лейпциге. И здесь за неделю узнал очень много новых слов. Я их записываю...

В будку залетали колючие снежинки.

Густав улыбался Эльзе. Он старался казаться старше, основательнее. Не переставая говорить, открыл свой тощий рыжий портфель с тяжелой медной застежкой. Важно посмотрел внутрь. Закрыл.

Эльза улыбнулась этой его детской важности.

Густав (по-немецки). Здесь все интересно... Язык... Природа... Люди очень добрые... Блокнот куда-то делся... (заметив улыбку Эльзы) А вы, фройляйн Эльза, здесь заскучаете...

Эльза. Вовсе не заскучаю... Я буду помогать папе...

Ханеке (по-немецки). Ничего... Я быстро работаю... Построим мост. Вернемся в Берлин. Эльза хочет учиться на инженера... Хотя, мне больше нравится, как она поет...

Эльза смутилась.

Густав (по-немецки, с готовностью). Я тоже умею петь...

Густав запел веселую немецкую песенку. Фальшиво и неумело...

Пар клубился вокруг его рта.

Эльза подхватила мотив. У нее нежный чистый голос.

Густав пытался следовать за ней, но у него ничего не вышло.

Ханеке (по-немецки). Дорогой Густав, вам лучше оставаться инженером.

Общий смех прервал медвежий рык.

Из тайги выскочил Саркисян. Побежал по сугробу, высоко вскидывая ноги. Одной рукой он придерживал штаны.

Саркисян (задыхаясь от бега, кричит помощнику). Рычаг в пятку!!! Не спит гаад!!!

Вслед за Саркисяном из тайги вышел медведь в серебряной от снега шубе.

Эльза высунулась в окно.

Эльза (по-немецки, восхищенно, азартно). Смотрите-смотрите! Медведь!!! Огромный какой!!! Папа, разве такие медведи бывают?!

Ханеке (Эльзе, по-немецки, строго). Эльза! Это тебе не зоопарк...

Помощник (высунувшись из будки). Беги, Саркисян! Не оглядывайся!!!

Саркисян (по-русски, с акцентом). Т-трогай!!! Трогаай тебэ говорю!

Оттолкнув Густава, помощник повернул рычаг.

Паровоз тронулся.

Саркисян с трудом догнал паровоз, забрался в будку. Оглянулся. Перевел дух.

Саркисян (по-армянски, тихо). Пописать нормально нельзя!(помощнику громче, веселее) А мог и сожрать...

Паровоз набирал ход.

Густав поднял с пола фуражку, отряхнул, надел на голову.

Густав (Эльзе, улыгнувшись, по-немецки). Странное место... Не правда ли?

Тын Дый Чи, посмотрел вслед уходящему паровозу. Улыбнулся.

Солнце било в глаза, зацепилось за верхушки кедров.

Веревка натянулась. Две веревки были перекинуты по мосту через дыру.

Игнат и девчонка на краю береговой части моста, тянули рельс с острова.

Веревка обвита вокруг тела немки.

Рельс повис над дырой.

Чем больше рельс зависал над дырой, тем тяжелее было его тянуть.

Игнат перехватил петлей и свое тело. Все больше и больше наклоняется вперед.

Все меньше его шаги, все больше усилие.

Игнат. Арбайтен... Немцам положено...

Немка села. Сил у нее не было.

Рельс стал крениться в дыру, пополз вниз, потащил Игната и немку за собой.

Игнат хватался за шпалы. Гнилое дерево крошились под его пальцами.

Девчонка сорвалась с моста, но успела ухватиться за веревку Игната.

Повисла над водой.

Падение рельса остановилось.

Игнат замер. Перевел дух.

Перебирая руками и ногами по шпалам, как по лестнице Игнат пополз вперед.

Над дырой был протянут и закреплен рельс.

Немка легко прошла по рельсу на другую сторону моста.

Игнат встал, подошел к рельсу. На мгновение остановился.

Немка увидела его колебания, усмехнулась.

Игнат заметил ее усмешку, решительно ступил на рельс, двинул вперед.

Немка с любопытством следила за ним.

Игнат прошел уже половину, когда неожиданно покачнулся, взмахнул руками, потерял равновесие, упал вниз.

Два сапога на палке сушились у огня.

Вокруг паровоза - все больше свежих пеньков

Немка старательно оттирала номер на боку паровоза.

Эльза (продолжая оттирать бок паровоза, зыркнув на Игната). Боров... Ничем не возьмешь... (зло)
Понаехали... В тайге не протолкнешься... (пауза, паровозу) Может он нас с тобой вытащит отсюда?

Игнат сидел, обхватив руками тело. От гимнастерки шел пар.

Эльза (по-немецки). Эй!

Игнат повернулся.

Немка прихватила пальцами край своей одежды.

Эльза (по-немецки). Просушись.

Игнат не ответил, отвернулся.

Край. Поздний вечер. Барак.

Степан зашел в комнату Софьи.

Софья кормила Пашку перловкой из кастрюльки в цветочек.

Степан достал из кармана тонкую веревку.

Степан. Я тебе... шнурок для Пашки принес... У него веревка - позор один... (пауза) А мы скоро паровоз до ума доведем... Блестеть будет... Фишман позавидует...

Софья сунула Пашке в рот полную ложку.

Степан (тихо). Можетпустишь?

Софья. У меня, Степа, мужик есть...

Степан (тихо). Ну... Я ведь тоже у тебя... был...

Софья (тихо). Был... Да сплыл...

Степан (тихо). И чем он лучше?

Софья перестала кормить Пашку, стерла со лба непослушную челку, подумала, подбирая слова, пожала плечами...

Софья (улыбнулась грустно). В нем чертей больше...

Утро.

Толстое бревно колом вошло в воду перед стоящим у опоры Игнатом.

Верхний конец бревна был прихвачен веревкой. Вережку держала немка.

Игнат подплыл к бревну, обнял, попытался сдвинуть.

Вережку сорвало.

Немка упала.

Бревно накренилось, ударило в воду.

Вода легко подхватила ствол, понесла прочь.

Игната понесло вместе с бревном.

Немка подбежала к краю моста вслед за Игнатом.

Эльза. Эй!..Брось его... Брось... Унесет!

Игнат держал бревно, не хотел отпускать.

Игнат шел против течения.

Тянул над водой толстое полутораметровое бревно. Бревно, как качели, было привязано веревкой к висевшим над дырой рельсам.

Стоявшая на погнутом железе немка, обняла криво подпирающую рельсы опору, зажмурилась.

Игнат развернулся, оттолкнулся. Бревно понеслось на опору.

Удар.

Немку трянуло.

Опора стала чуть прямее.

Игнат снова оттянул бревно-молот.

Еще удар.

На третий удар бревно пролетело мимо опоры.

Вернулось. Ударило по Игнату. Отбросило его под воду.

Немка прыгнула в воду, захлебнулась, вынырнула, повисла на молоте, которым Игнат правил опору, огляделась.

Эльза (по-немецки). Эй... Эй...

Игнат вынырнул за ее спиной, схватил бревно, потянул против течения.

Теперь немка и Игнат вместе били по опоре, раскачивая на веревке кусок бревна.

Из воды торчало колом уже четыре бревна-опоры.

Игнат с большим камнем на плече подошел к одной из опор.

Уложил камень в ее основание.

Немка катила по мосту новый камень. Сбросила его в дыру. Посмотрела вниз.

Камень упал рядом со стоящим в воде Игнатом.

Стук молотка разносится над шумной водой.

Игнат висел над водой, прибавал стяжку.

Мост обрастал кривыми стяжками и перемычками.

Эльза стояла на мосту, придерживала за веревку второй конец стяжки, смотрела вниз, командовала.

Эльза (кричит Игнату по-немецки). Выше! Выше прибивай!

Игнат. Ишь, расстаралась...

Игнат качал рычаг дрезины.

Немка толкала ее сзади.

Игнат. Толкай... Толкай... Может не свалится...

Дрезина набирала ход, пошла по мосту.

Игнат спрыгнул с дрезины. Посмотрел вслед.

Немка стала рядом.

Дрезина загромыхала, остановилась над дырой.

Игнат с опаской заглянул в дыру.

Немка усмехнулась, поползла к дрезине.

Паровоз выпустил пар. Он был очищен от лишнего. Пути перед ним свободны. На боку четкий белый, оттертый от грязи, номер.

Игнат и немка в будке.

Игнат повернул регулятор.

Паровоз медленно двинулся вперед, въехал на мост.

Передние колеса паровоза надавили на заплату над дырой.

Мост захрустел деревом.

По вертикальной опоре побежала трещина. С опоры моста сорвало веревки, державшие бревна.

Паровоз стал медленно крениться вправо.

Немка бросилась к рычагам.

Эльза (кричит по-немецки). Стой! Назад! Назад!

Игнат отшвырнул ее в тендер на дрова.

Игнат. Да тихо ты... А то свалимся...

Сдал назад.

Одна из шести криво поставленных опор треснула.

Рядом с треснувшей опорой стояло новое бревно. Бревно прижималось к поперечине.

Игнат и немка в воде были связаны короткой веревкой.

Игнат по плечи стоял в бурунах. Работал молотом.

Вбивал костыль в дерево. Крепил бревно к треснувшей опоре.

Игнат и немка мокрые сидели у костра на берегу.

Криво лежащие на опорах шпалы подпирали перекинутые через дыру рельсы. Казалось, что ненадежное, кривое строение вот-вот завалится само по себе.

Недельная щетина... Повязка на плече, на ноге поверх штанов.

Игнат хмуро смотрел на мост, неловко пытался перевязать рану на руке.

Немка придвинулась к Игнату, притянула к себе его руку, принялась перевязывать рану.

Игнат послушно, как привыкший к лечению ребенок, ждал окончания перевязки.

Пальцы у немки были крепкие. Повязка ложилась плотно.

Эльза (по-немецки). Ничего у тебя не получится... Ты в этом ничего не понимаешь... Это не мост, а дерьмо...

Игнат отвесил девчонке легкий подзатыльник.

Паровоз стоял в самой дальней части острова. Там, где обрывался путь. Дальше лежали незакрепленные шпалы и рельсы.

Паровоз тяжело дыхнул паром.

Немка стояла у паровоза. Смотрела на Игната.

Игнат. Залезай...

Немка отрицательно мотнула головой.

Игнат упер рычаг в пятку.
Колеса провернулись.
Паровоз пошел вперед.
Немка пошла за паровозом.
Эльза (по-немецки). Нет... Ты куда? Рано еще! Густав упадет...
Паровоз увеличил скорость.
Немка побежала.
Прыгнула в будку.

Жар. Работа.

Игнат кидал дрова. Немка отрывала шуровку.

Игнат. Быстрее открывай. Быстрее - сказал...

От давления в котле гудело железо.

Рельсы все быстрее бежали навстречу.

Ноль на скоростемере.

Эльза (по-немецки). Давай, Густав! Давай!

Паровоз выскочил на мост.

Затрещали бревна. Закачалась машина.

Девчонка закрыла глаза.

Эльза (кричит). Аааа!..

Бревна моста рухнули, завалились на бок. Их подхватило течение, подбросило, унесло.

Паровоз на всех порах шел вглубь тайги. Река откатывалась все дальше и дальше.

Хриплый паровозный гудок.

Эхо толкнулось в деревья, прилетело назад, упало под колеса.

Девчонка открыла глаза.

Игнат вытер рот.

Игнат (тихо). Вот так, бля...

3.

Вечер. Барак. Закуток Софьи.

Эльза сидела на скамейке с тарелкой в руке. За столом напротив - Игнат и Софья.

Игнат и Эльза ели.

Игнат взял картофелину, протянул Эльзе.

Софья (разглядывая Эльзу). Разве немки такие бывают?

Игнат. Завтра к Колыванову сведу... Пускай разбирается...

Эльза подвинула к себе кастрюльку, принялась разглядывать.

Софья. Куда?

Софья поставила кастрюльку на место - ближе к Игнату.

Эльза (по-немецки). Это наша кастрюлька...

Софья (зло). Ты тут не хозяйничай...

Софья принялась нервно убирать со стола...

Эльза вдруг вскрикнула. Двинула ногой.

Что-то стукнулось о ножку стола.

Возня, привычное сопение Пашки, угрожающее шипение Эльзы.

Эльза (Пашке по-немецки, тихо, грозно). Эй... Эй... Чего толкаешься? Кусаться?... Ну-ка... Ползи отсюда...

Вдруг Пашка загукал радостно.

Эльза полезла под стол.

Софья удивленно подняла брови.

Эльза (продолжая по-немецки, ласково). Вот придет вечный мишка и ножки-ручки тебе откусит. Вечный мишка большой, страшный... Проглотит - не облизнется.

Пашка засмеялся. Весело завизжал...

Софья забралась под стол, вытащила из-под него довольного Пашку.

Софья (тихо и радостно). Слышь, Игнат? Ей богу...

Софья открыла настежь дверь, за которой подслушивали полуодетые бабы.

Софья (громко, радостно). Матильда! Бабы! Смеется!!!

Закуток наполнился бабами. Кто тянул руки к Пашке, кто-то с любопытством рассматривал Эльзу.

Матильда. Видать - родным повеяло.

Софья строго посмотрела на Матильду. Та осеклась, опустила глаза.

Свет факела на боку Густава.

К паровозу подошел Вовка Жилкин.

Паровоз Игната был меньше, древнее паровоза Степана.

Бумм - Вовка Жилкин стукнул по черному железу. Послушал.

Спящий на верстаке Борька перевернулся на другой бок.

Степан выглянул из будки своего паровоза, вытер руки о ветошь.

Степан. Чего стучишь?

Жилкин. Послушать плисол... что новый паявос говоит... Интересно осень...

Степан (усмехнулся). Новый... (пауза) И что говорит?

Жилкин (кивнул на паровоз Игната). Говоит - пободаетесь теперя с Игнатом... Как олени бодаюса...

Степан не ответил.

Вовка Жилкин понюхал паровоз, поцокал языком.

Жилкин. ПОтом пахнет... Мертвым селовеком пахнет... (пауза) А ты есе никого не убил? Пола уже... пола...

Жилкин улыбнулся добро.

Степан. Что пора, а что не пора - сам решу...

Степан скрылся в будке, зазвенел ключами.

Жилкин полез следом, заглянул внутрь.

Жилкин. Снаю... Безать скоро надумал... Симой безать плохо... Холодно...

Степан (усмехнулся). Это тебе рельсы настучали?

Жилкин кивнул на место над котлом, где румянились аккуратнo нарезанные кусочки хлеба.

Жилкин. Узе неделю в столофой хлеб не ес. В карман пряцес... Сухари сусис...

Степан аккуратнo сгреб хлеб в ладонь.

Степан. Все следишь, (с легкой издевкой) охотник... Тебе что за дело?

Жилкин (покладисто). Мне сто... Меньсе народу – больсе зверьков.

Девчонка лежала на полу. Смотрела на грубые доски стола.

На кровати - Игнат и Софья.

Кровать скрипела.

Софья (жаркий шепот за кадром). Так... Так.. Гнаша... Милый... Целуй меня... Так... Так... (пауза) Ну что ты?

Софья откинулась на спину.

Софья. Что с тобой?..

Игнат не ответил.

Игнат и Софья лежали в кровати, смотрели в потолок.

Софья (Игнату, тихо). Ты что с ней делал?

Игнат. Паровоз через реку тянул... (передразнивая) Что...

Софья. Ее ты тянул, а не паровоз.

Игнат. Дура... Чего там тянуть?

Софья заглянула под стол к немке.

Пашка спал, прижавшись к Эльзе.

Софья (Эльзе). Слышь-ка... Пойди – в бараке посиди... Пошла... (на ломаном немецком) Вег... Вег...
С улицы слышался собачий брех.

Собака лаяла громче.

Вечер. Над Краем кружил первый снег.

Немка спешила по ночной улице.

Затравлено озиралась на лай.

Воин улыбнулся Эльзе с плаката. Проводил взглядом.

Из депо навстречу Эльзе вышел паровоз Степана.

Черная гора выдохнула пар, ударила в глаза ярким светом фонарей.

Паровоз посреди станции выдохнул пар.

Стекла в будке паровоза казались черными, будто их изнутри кто-то обклеил черной бумагой.

К паровозу была прицеплена теплушка.

Солнечный майский день. Край. Еще не потемнели от времени дома.

Под новеньким репродуктором сидел Вовка Жилкин. Курил короткую трубочку.

(Субъективная камера - на Жилкина со стороны будки проезжающего паровоза.)

Вовка важно поднял руку.

Жилкин (громко). Фишману привет!

Паровоз закрыл черной тенью распахнутое окно дома герра Ханеке, остановился рядом с паровозом Саркисяна, к которому была прицеплена платформа со шпалами.

В комнате потемнело.

Горячий суп. Пар над кастрюлькой в цветочек.

За обеденным столом - Эльза, герр Ханеке, Густав.

В распахнутое окно, закрыв солнце, заглянул человек в новеньком мундире войск НКВД, неторопясь оглядел сидящих.

Эльза замерла с половником в руке.

Капитан (Эльзе, ободряюще). Приятного аппетита.

Трое в форме НКВД, один из которых держал на коротком поводке припадающую на лапу овчарку, вывели Густава, Ханеке и Эльзу из конторы. Среди конвоиров выделялся большой крепкий мужик в новенькой офицерской форме.

Густав прижимал к себе рыжий портфель, путейская фуражка его съехала на бок. Шел неровно, спотыкался. Губа разбита. Под глазом - синяк.

Густав (по-немецки, повторяет как заклинание). Сегодня тринадцатое мая сорок первого года... Сегодня тринадцатое мая сорок первого года... Все остальное неправда... Все остальное - неправда...

Ханеке (по-немецки, спокойно). Успокойтесь, Густав...

Ханеке шел, опустив голову.

Густав (капитану, на ломаном русском). Мы не виноваты... Это летоход снес мост. Силы природы...

Капитан. Силы природы мы тоже накажем, не вопрос...

Овчарка посмотрела на Эльзу, зарычала.

Конвоир (строго, собаке). Рядом!

Рядом с черным паровозом стоял неказистый паровоз с прицепленными к нему платформами.

Капитан (кричит). Саркисян, отправляйся. Смотри - на перегоне удержишь!

Паровоз Саркисяна выдохнул пар... Тронулся...

Капитан (конвоирам). Всех - в теплушку.

Густав остановился перед теплушкой, посмотрел в темное ее нутро, попятился...

Второй конвоир. Эй-эй... Не балуй.

Охранник протянул руку, чтобы схватить Густава. Но тот вдруг бросился под колеса идущей платформы, проскочил под ее брюхом на противоположную сторону насыпи. Побежал в тайгу.

Эльза кинулась за Густавом.

Ханеке. Эльза, стой!

Густав (убегая, кричит). Беги, Эльза! Эльза, беги!

Охранник вскинул карабин.

Ханеке сбил с ног охранника, побежал следом.

Выстрел.

Ноги Ханеке подкосились, рукав его форменной шинели зацепился за выступ платформы. Состав потащил Ханеке за собой.

Еще выстрел.

На землю упал рыжий портфель Густава.

Густав лежал лицом вниз за насыпью. Там, где начинался вечный лес.

Капитан не торопясь спрятал пистолет в кобуру.

Капитан (оторопевшему конвоиру с собакой). Что стоишь? Собаку пускай!

Субъективная камера. Навстречу неслись, уворачивались от камеры деревья, кусты.

Эльза бежала по тайге.

Уставшая, с трудом передвигающая ноги, Эльза вышла на берег реки. На ее грязных щеках застыли дорожки от слез.

Буруны. Водовороты.

Перед Эльзой – искореженный мост.

За мостом - остров.

Эльза стояла на берегу. Испуганно смотрела на буруны.

Собачий лай заглушил шум воды.

Эльза сжала кулачки, стиснула зубы, шагнула вперед.

Поток сбил ее с ног, подхватил, понес.

Солнце сквозь толщу воды.

Эльзу потянуло вниз.

Темнее и глубже.

Занималось утро.

Депо. Будка Густава.

Эльза открыла глаза. Увидела нависшее над ней лицо Борьки.

Борька. Привет, чумазая... Во подарки – паровозы, бабы...

Эльза попыталась схватить лежащее неподалеку разбитое ружье, но Борька перехватил руку.

Эльза зашипела, как дикая кошка.

Борька навалился на Эльзу, прижал ладонью рот.

Борька. Тсс... Тихо... Тихо...

Свободной рукой Борька попытался раскрыть одежды Эльзы... Но их было столько, что Борька стал путаться в тряпках...

Эльза тяжело дышала носом, дергалась, вращала глазами...

Борька. Ну и понадевала ты на себя... как же здесь?.. а черт... Откуда такая разодетая? Из Костромы?

Неожиданно Борька взлетел вверх.

Перед Эльзой мелькнула его татуировка на животе, расстегнутая ширинка...

Игнат поднял Борьку как кутенка - за шкирку и штаны.

Борька (испуганно). Эй... Ты чо? Ты чо?.. Уй... Ай... Падла!

Игнат (тихо). Лети...

Игнат выбросил Борьку из будки.

Эльза отползла в угол.

Эльза (по-немецки). Тут очень много людей!!! Очень много!!! Нам с Густавом здесь не нравится.

Борька (услышав речь Эльзы, удивленно заглянул в будку). Надо же!!! Немцы тута... Где такую вонючую диверсантку откопал, начальник?

Игнат хотел пнуть Борьку в лицо, но тот вовремя отскочил от паровоза.

Придерживая руками сползающие штаны, Борька, уходил все дальше, все кричал - не унимался.

Борька. Слыш, начальник, ты, вообще, на чьей стороне воевал?!

Игнат схватил скребок, рванул за Борькой

Борька (с опаской). Э... э... (побежал вензелями, запел) Пааа тундре. По железной дароооге... Где мчит курьерский «Воркута – Ленинград»...

Солнечные блики на красной крыше.

С плаката на стене колывановской конторы улыбался солдат.

Около конторского крыльца стояли Эльза, Игнат и Колыванов.

Колыванов, держал велосипед.

К багажнику Колыванова веревкой был привязан пухлый рыжий портфель.

Колыванов посмотрел на Игната, на Эльзу, нахмурился.

Колыванов (Эльзе). Ты по-русски понимаешь?

Эльза подошла ближе, увидела портфель, и вдруг потянула его с багажника. Это был рыжий портфель с тяжелой медной застежкой.

Колыванов. Э...Э... (на высокой ноте) Найн... Найн...

Колыванов потянул портфель на себя.

Эльза (по-немецки). Это Густава портфель!

Из портфеля выпала и разбилась тяжелая банка с медом. В мед упала круглая конторская печать. Больше в портфеле ничего не было.

Игнат вырвал портфель у Эльзы.

Игнат (Колыванову). На...

Эльза зло посмотрела на Игната, на Колыванова, шмыгнула носом, пошла прочь, повернула за угол дома.

Колыванов с опаской поглядел вслед Эльзе, поднял, облизал испачканную в меду печать, положил в портфель.

Колыванов (с досадой). Вкусный был мед... (пауза, хмуро) Тянешь в Край, всякую дичь...

Игнат. И что теперь с ней?

Колыванов перекинул ногу через раму.

Колыванов. Помой... Одежкой помогу... (в сердцах, громко Эльзе вслед) Одевай ее еще!

Игнат придержал велосипед за сидение.

Колыванов закинул ногу на раму.

Игнат. Может в детдом какой сдать?

Игнат легко толкнул Колыванова в спину.

Колыванов (передразнивая). В детдом... Ей лет двадцать пять... В детдом... Головой за нее отвечаешь...

Велосипед покатил, сначала вокруг Игната, затем, выписывая петли, вдоль улицы.

Колыванов уезжал все дальше.

Колыванов (кричит отдаляясь). Фишман скоро приедет... Он вас всех рассадит по детдомам...

Поворотный круг перед депо.

На поворотном круге стоял Густав.

Густав не дышал паром. Он был меньше, ржавее и древнее паровоза Степана.

Игнат и Буткус тяжело толкали рычаг, поворачивали Густава.

Игнат. Пар не держит... Не тянет совсем... До Края добрался и сдох... Слишком долго стоял...

Буткус (тяжело дыша, с легким акцентом чуть растягивая слова). Круг четвером поворачивать - и то сил не хватает... (пауза) Машина, да... говно совсем...

На боку паровоза буквы "ОВ".

Буткус. Овешка (усмехнулся) Овечка... На такой никого не обгонишь... (посмотрел на Игната светлыми глазами) А мне некогда... собрание сегодня... К зиме готовиться будем...

Сказал и напрягся, ожидая удара.

Игнат не переставая толкать рычаг, широко улыбнулся.

Игнат (уважительно). Дядя Томас, это ж важное дело...

Буткус (пытаясь перевести дух). А я думал - опять начнешь руками махать...

Игнат (улыбнулся). Руки заняты...

Буткус. Такой паровозишко и пятьдесят ни как не пойдет...

Игнат (спокойно). Если пробки не крутить... И больше пойдет...

Буткус усмехнулся.

Буткус (Игнату). Ладно, посмотрю чего... (тяжело выдохнул) Уфф... Я все...

Буткус выпустил рычаг, остановился без сил, уперся руками в колени.

Тяжело дышал.

Игнат потянул дальше один.

Эльза стояла около паровоза, лила масло в механизмы, не жалела.

Буткус (еще не отдышавшись, Эльзе, по-немецки). Много масла льешь...

Эльза рукавом вытерла лишнее.

Буткус усмехнулся, покачал головой.

Буткус (Эльзе, по-немецки). Тебя как зовут?

Эльза (по-немецки). Эльза...

Буткус (по-немецки). Ты что же, всю войну в тайге прожила?

Эльза (по-немецки). Какую войну?

Пар.

Вода.

В бане душно.

Гул бабьих голосов. Стук шаек.

Софья мыла Пашку в шайке. Мыла напоказ. То и дело поднимала его из воды. Вертела. Понимала, что бабы смотрят и завидуют.

Бабы глядели на Пашку. Улыбались ему.

Софья (приговаривает). Какие мы розовые... Какие мы довольные... Строгие... Павел Игнатич...

Пашка серьезно глядел на баб.

Рядом с Софьей - Матильда не торопясь намыливала плечи, руки.

Матильда. Как же я мыться люблю, Софа... Ты не представляешь... (пауза) Дай Пашку поддержку...

Софья. Еще чего...

Напротив Софьи поставила шайку Эльза.

Налила воду, улыбнулась Пашке.

Матильда (Софье, тихо). О пришла... Для твоего Гнаши небось отмывается...

Софья. Ты о чем?

Матильда. У немки, говорю, на животе шрамов нету.

Эльза (Пашке, по-немецки). Привет, малыш... Не встречал еще вечного мишку?

Пашка увидел Эльзу, растянул рот, издал странные звуки, подражая чужой речи.

Матильда. Смотри-ка... Прямо родственнички...

Софья вышла вперед, стала перед Эльзой.

Софья (на ломаном немецком). Ну-ка иди отсюда... Вег...

Бабы прекратили мыться, стали ближе. Окружили Эльзу и Софью. Закрыли свет из оконца.

Тихие голоса баб:

- Ой, чего будет...

- Сейчас Софка супу из нее наварит...

- Из немецких маслов...

Эльза распрямилась, не стесняясь, оглядела Софью.

Эльза (по-немецки). Никуда я не пойду... Вот помоюсь и пойду... Отстань от меня... и от Игната отстань...

Софья подняла полотенце и как плеткой перетянула Эльзу по лицу и груди, хотела ударить еще, но Эльза перехватила полотенце, вырвала...

Упала скамья. Громыкнула об пол шайка.

Эльза (по-немецки, все громче). Что? Думали испугаюсь? Побегу? (с нажимом) Не побегу! (глядя на Софью) И жить здесь буду!.. Сколько захочу!

Пашка засмеялся в голос, захлопал ладошками по воде.

Бабы удивленно посмотрели на Пашку.

Вечер. Столовая.

За столами под навесом плотно сидели люди.

Ужинали. Черпали ложками жидкий суп.

Среди них - Степан.

Голоса сидящих:

- Холодно...

- Под крышу пора...

- Скоро и под крышей жрать нечего будет.

Рядом со столовой выдохнул пар, остановился паровоз Игната.

Из будки выпал Вовка Жилкин.

Стукнул по висящему куску рельса. Послушал звон.

Жилкин (сам себе, громко, повторяя старое). Скоро вам всем счастье будет!!! (уходя нетвердо вдоль паровоза) Готовьтесь...

За Вовкой легко, будто и не пил, спустился Игнат, со стуком поставил на стол четверть. Наполовину полная мутной жидкостью бутылка была в земле.

На груди Игната под распахнутым ватником горела медаль.

Из мутного окошка паровоза с опаской выглянула Эльза.

Игнат налил себе самогона.

Игнат (с вызовом). Выпьем... За новый паровоз...

Матильда (голос за кадром). С немкой своей пей...

Народ затих, с любопытством посмотрел на Игната.

Игнат оглядел толпу - не увидел говорящую.

Степан продолжал спокойно черпать суп.

Игнат подошел к паровозу, чокнулся с железом, выпил. Налил еще.

Игнат наливал и пил.

Как воду...

Не хмелел.

Теперь мужики и бабы с интересом поглядывали на Игната.

Борька (Матильде, тихо). Слыш, Моть, давай на него псину твою спустим... Пусть яйца ему отгрызет.

К ногам Матильды жалась тощая кудрявая собачка с торчащими сквозь ключья шерсти ребрами.

Неодобрительный взгляд Матильды.

Матильда. Не умеет она яйца...

Шепот под навесом.

- Не допьет...

- Нет – не допьет...

Степан (все так же продолжая черпать суп). Развалится... Как и его паровозишко...

Игнат (повышая голос, спокойно). Кто сказал - развалится?..

Игнат обвел взглядом сидевших. Увидел Степана.

Игнат (добро). А... машинист...

Игнат допил самогон, поставил стакан на стол, утер ладонью мокрый рот.

Игнат. Пора разобраться, кто из нас быстрее машинист...

Эльза потянула Игната в будку.

Игнат. И у Рейхстага я тебя чего-то не встречал!

Игнат забрался в будку оглянулся, улыбнулся добро.

Игнат (Степану). Я ведь починю...

Кто-то из толпы тихо добавил: ...башку...

Игнат не ответил, легко забрался в будку.

Игнат. Разберемся! (Эльзе) Трогай...

Дверь будки захлопнулась.

Эльза с трудом повернула рычаг.

Паровоз плюнул в народ паром.

Под недовольные крики пошел прочь.

Густав уходил все дальше от столовой.

Игнат. Душно мне..

Игнат открыл дверь, тело не слушалось. Его качнуло из будки.

Эльза вцепилась в Игната.

Эльза (по-немецки). Стой, дурак! (тише, прикладывая усилия, чтобы удержать Игната) Напился - держись!

Игнат тяжело оперся на Эльзу, посмотрел на нее, будто только заметил, прижал ее шею сгибом локтя.

Игнат (добро, тихо). Немчурааа... Давили вас... Давили...

Эльза (по-немецки, тихо придушенно). Пусти... Пусти - говорю..

Эльза стала задыхаться, засопела, уперлась в Игната руками, толкнула в тендер на уголь.

Не ушла. Стояла рядом. Смотрела.

Игнат охнул. Растер руками лицо.

Игнат. Пить не захотели... Со мной... Обидно, когда свои не пьют... Они же свои, немчура... Хер с ним - не герои, но свои... А... До войны у меня все было... Цветы... Бабы... Лучший в мире паровоз - «Иосиф Сталин»... Я на нем сто шестьдесят три километра как дал! (спокойно) Давление, правда, превысил! Сталин с рельс сошел... А у меня вон - дыра в башке! (растер ладонью шрам на лбу, с вызовом) Инвалид... Три дня с врачом пил, чтобы на фронт взяли... (заметив жалость в глазах Эльзы) Надо было притопить тебя на острове...

Игнат лег на уголь, закрыл глаза.

Игнат. Зубчик скинь.

Игнат лежал на угле в тендере Густава. Спал. Над ним плыло небо.

Эльза согнула Игнату правую руку, приложила к голове.

Раздвинула губы Игната в добрую улыбку.

Теперь Игнат, как солдат на плакате, что висел теперь внутри будки, отдавал честь и улыбался.

Полянка рядом с депо.

Танковый шлем ползет за бревном.

Игнат сидел на бревне с кастрюлькой на коленях. Ел. Следил глазами за ползущим мимо Пашкой.

Софья сидела рядом.

Из-за угла депо вышла Эльза, увидела Софью, пошла прочь.

Пашка забрался матери на колени, с подозрением посмотрел на Игната.

Софья. Почему домой не пришел?

Игнат (пряча взгляд, глядя в кастрюльку). Работы много...

Софья. А народу в столовке чего наговорил?

В глазах Игната мелькнула растерянность.

Игнат. Чего?

Софья. Степана решил обогнать... На своем-то...

Игнат. Мне тут гоняться не с кем.

Софья покивала. Не то словам Игната, не то своим мыслям.

Софья. Ешь-ешь... суп вкусный...

Неожиданно Софья старательно и не очень правильно запела Пашке какую-то ласковую песню на ломаном немецком языке.

Пашка засмеялся.

Софья. Ам... Ам...

Софья губами прихватила ручонку Пашки, улыбнулась.

Софья. Давай, Пашка, давай... пусть папка послушает, как ты смеешься...

Игнат удивленно посмотрел на Софью.

Софья (Игнату, с тихой радостью и гордостью). Вот... Смеется... (пауза) Забывать стала язык-то ихний... А из песни только один куплет и помню...

Софья погрузилась...

Софья. Гнаш, а Гнаш... (пауза) Люди видели, как она с тобой пьяным на паровозе каталась... Издеваются уже... Говорят - со зверьком жить стал...

Игнат не ответил. Сильнее застучал ложкой.

Густав медленно шел к делянке.

В будке – Игнат и Эльза.

Эльза кидала в топку уголь, тихо напевала немецкую песенку. Не то пела, не то - бормотала. От работы дыхание ее сбилось.

Стрелка скоростемера чуть отклонилась от нуля.

Эльза набрала лопату, посмотрела на Игната.

Игнат нехотя открыл шуровку.

Игнат. Пореже уголек мечи, а то Густав твой развалится. (покачал головой, повторил с усмешкой) Густав...

Эльза снова набрала лопату угля, снова выжидательно посмотрела на Игната.

Шуровка открылась.

Игнат. Не так кидаешь... Не так... Крупный в середину... Мелкий по краям...

Эльза услышала знакомое слово... остановилась... Посмотрела на Игната.

Эльза (повторяет, на ломаном русском). Так... Так...

Эльза смутилась, отвернулась, отошла, выглянула из будки.

На делянке пусто.

Пеньки. Сложенные освобожденные от сучков стволы, ожидали погрузки.

Эльза (по-немецки). Дерево... Там... Дерево...

Ну путях чернел ствол кедра.

Игнат (себе). Про тормоза надо Буткусу сказать...

Перед стволом Густав нехотя остановился.

Эльза прыгнула на насыпь, подошла к дереву.

Дерево было спилено.

Эльза огляделась...

В кустах шуршало.

Тени.

Эльза попятилась.

В Густава, рядом с Эльзой ударился камень. Еще один. Еще.

Игнат (кричит). Эльза, назад!

Выстрел. Пуля расплющилась о железо рядом с головой Эльзы.

Эльза запрыгнула в будку.

Игнат двинул регулятор.

Новая пуля пробила стекло будки.

Игнат. А черт...

Игнат и Эльза упали на пол.

Густав медленно пошел к лежащему поперек путей стволу. Осторожно двинул его. Ствол вздрогнул, нехотя заскользил, съезжая с рельсов.

Эльза (по-немецки). Это война? Это война?

Густав сдвинул с путей бревно, быстрее пошел вперед.

Домик Вовки Жилкина стоял сразу возле путей.

«Ленинштрасса 11» - от руки криво написано над входом.

Игнат прошелся по комнате... Оглядел наваленное по углам барахло.

Вовка с подозрением следил за Игнатом.

Игнат. Слыш, Вовка, мне железо нужно... Листовое... Достанешь?

Жилкин (настороженно). Со Степаном гоняса будес? (улыбнулся) Верхом на овеське?

Жилкин глянул на медаль, что висела на груди Игната.

Жилкин. Селезо - осень...

Вовка не успел договорить, получил в зубы, отлетел на гору сваленных в углу вещей, засучил ногами.

Игнат. А подешевле...

Вовка пополз от Игната по кривому полу.

Игнат. Думал - не пойму, кто в паровоз палил? У тебя у одного ружье в порядке...

Жилкин (уползая). Хитлый какой...

Игнат (идя за Жилкиным). Кто был?

Жилкин (уползая). Матильда был... Борька был... Тетерин старался... Головина... Плахова метко кидал...
Фельсер напился - опосдал...

Игнат взял ружье, понюхал ствол.

Жилкин (уползая, предчувствуя недоброе, заторопился). Вовка в мертфый селовек стрелял... Мертфый селовек не дырвится никак... Папа ее умер... Зених умер... Не мозет живой девоська сетыре года в паявосе зить...
Вон. Зиму голодную с собой принесла...

Для пущей важности своих слов, Вовка взял молоток, стукнул по болтавшемуся посреди избы куску рельса.
Успокоился, перестал ползать, сел, утер кровь из носа.

Игнат посмотрел нехорошо, легко оторвал ствол от цевья.

Игнат. Дурак... Я мертвых видел...

Жилкин. Сам дурак...

Игнат бросил на пол бесполезное теперь ружье.

Жилкин (надувшись). Ты серсе её послушай... У зивова селовека серсе стусять должно...

Собака рычала на Игната, но укусить боялась.

У столба с репродуктором под вальс приседали пятеро.

Матильда, Борька, Плахова, Головина, Тетерин...

Приседали долго. Еле держались на ногах.

Мокрые от пота лица.

Игнат ходил меж людей.

Командовал.

Игнат. Сесть... Встать... Сесть... Встать... Сесть... Встать... Вы меня еще не разозлили! (Тетерину) Радостнее, Тетерин! Радостнее! (всем) Вам всю жизнь радоваться!!! Сесть... Встать... Сесть... Встать... (лающей собаке) Сидеть!

Собака послушно села, но рычать не перестала.

Игнат одернул ватник, привычным движением заправил в ремень гимнастерку, пошел прочь.

Игнат (не оборачиваясь). Кто понял - отдыхает.

Головина упала.

Тетерин. В нашем лагере тоже под вальсы приседали.

Борька, Тетерин, Плахова остановились, не решались сойти с места.

Борька. Сучья музыка. (Матильде) Моть, ты чего?

Матильда продолжала приседать.

Железный гром, прилетевший с улицы, заставил Колыванова открыть глаза.

Колыванов отодвинул от себя посапывающую во сне Головину, подошел к окну, открыл раму, выглянул на улицу...

Головина (сквозь сон, недовольно). Комнату не студи...

Вовка Жилкин бросил у насыпи громыхнувший лист, побежал в проход между домами, с опаской выглянул из-за угла.

У брошенного листа остановился медведь, наступил на железо, удивился гулу.

Жилкин (тихо-тихо запричитал). Оё-ёё-ёй... Тын Дый Чи присол... Зизнь менять... Беспорядки наводить...

Вовка цокнул языком, покачал головой...

Жилкин. Нехоросо, Вовка, воровать... Все нехоросо...

Колыванов остановился на крыльце конторы, испуганно посмотрел вслед уходящему медведю.

За Колывановым, одеваясь на ходу, вышла Головина,

Головина (проходя мимо Колыванова, недовольно). Чего встал?

Головина вышла на путь, посмотрела на крышу, плюнула в сердцах.

Красные листы были аккуратно сняты почти со всей конторской крыши. Лишь несколько железных листов осталось блестеть под таявшим на них снегом.

Колыванов нерешительно подошел, встал рядом...

Колыванов. Вот суки... (громко, чтобы было слышно вокруг) Ну мы разберемся! Разберемся!

Головина (зло). Что ты за мужик? Твою бабу... приседают... Крышу посреди ночи свистнули... А он... (передразнивая) разберемся, разберемся.. мэ... мэ...

Головина пошла вслед за скрывшимся в темноте медведем.

Колыванов. Ты куда?

Головина. Туда!

Колыванов безнадежно махнул рукой.

Колыванов. Ну и катись.

Головина. Сам - катись.

Депо.

Перед Игнатом стоял Колыванов с портфелем под мышкой. Из-за плеча Колыванова с опаской выглядывал Вовка Жилкин.

Около паровоза лежали крашенные железные листы.

Колыванов (Игнату). Ты хоть понимаешь, что с немкой своей против всех попер?

Игнат голый по пояс, босой, повесил на веревку стиранные подштаники.

Эльза встала рядом с Игнатом, закинула на веревку его мокрую исподнюю рубаху.

Игнат внимательно посмотрел на рубаху. Кивнул.

Игнат (Эльзе, тихо). Гуд.

Колыванов. На кой хрен она?.. У тебя ж с бабами проблемы...

Игнат исподлобья глянул на Колыванова.

Колыванов. Не зыркай... Не зыркай... (пауза) А крыша?.. Крышу зачем? (Жилкину) Бери листы... Выноси...

Жилкин втянул голову в плечи. Шагнул в сторону лежащих листов. Остановился.

Колыванов (Жилкину). Ну?

Игнат (Колыванову). Вторую руку не жалко? Яйца не почешешь...

Жилкин испуганно вытащил руку из кармана.

Эльза подошла к Колыванову сзади, рванула портфель у него из-под мышки, ушла за паровоз.

Колыванов дернулся. Повернулся... Заиграл желваками...

Колыванов (Игнату). Здесь чья власть? А?!

Колыванов тяжело посмотрел на Игната.

Колыванов (жестко, тише). Завтра поедешь на Узловую и сдашь ее под расписку... Это приказ. (пауза, тише)

И сам уезжай... По-хорошему...

Колыванов уходил все дальше, говорил все сильнее.

Колыванов (все громче). Людям хлеб нужен, а не твоя упертая рожа!.. Понял, сержант?!

Колыванов ушел.

Вовка все еще нерешительно топтался на месте.

Жилкин. Когда за железо платить будес?

Игнат (хмуро). Другого железа не нашлось?

Медаль легла в ладонь Вовки Жилкина.

Жилкин. Тайга большой ... железа маленький...

Вовка взвесил медаль в руке. Повеселел.

Игнат. Платье и туфли достань...

В миски, ведра, тазики, на тряпки с потолка капала вода.

Колыванов сидел за столом, пытался писать.

Он зло скомкал, отбросил бумагу, взял новый лист, подышал на пальцы.

Колыванов (диктует сам себе). Москва. Товарищу Сталину. По факту народных волнений, укрывательства немом на казенном транспорте и порчи хозяйства, в свете наступившего зимнего голода.

Буквы выходили кривые, строчки неровные. Текст непонятный.

Колыванов попробовал прочитать то, что написал. Не смог.

Колыванов (с чувством и внутренней болью). Не читается ни хрена... Не читается... Не читается...

Колыванов прерывисто вздохнул, всхлипнул, махнул рукой по столу.

Бумага полетела на пол.

Не замечая капавшей на него воды, Колыванов прошелся по кабинету. С силой ударил обрубком в хлипкую стену.

Сталин с фотографии на стене серьезно смотрел на Колыванова. Согласно кивал головой.

Солнце поднялось над кедрами.

Густав стоял посреди тайги.

В будке Игнат и Эльза.

Игнат (Эльзе). Бежать тебе надо... Бежать... Колыванов не отступит... Фишману сдаст... Не сегодня, так завтра... (глядя на Эльзу) Фишман... Понимаешь?

Эльза слушала внимательно... Кивала... Не понимала...

Игнат вытащил из тендера сверток.

Игнат. Еду завтра достану... Еще валенки тебе нужны... Немчуря... Ты главное к людям с разговорами не лезь. Молчи... За немую сойдешь... Убогих у нас не обижают... Убогих у нас полно...

Игнат развернул черную от угольной пыли тряпицу.

Эльза увидела платье. Туфли.

Эльза. Это платье?! Это мне? Платье?!

Эльза с платьем выбежала из будки.

Посреди сугроба она скинула ватник, рубаху, захватила в руки пригоршни снега, торопливо вытерла снегом темное тело.

Накинула платье на мокрую кожу.

Эльза (зовет, по-немецки). Густав! Игнат! Смотрите - какая я! Смотрите!!!

Игнат выглянул из будки.

Посмотрел растерянно.

Посреди сугроба, раскинув руки, кружила Эльза.

Смеялась.

Игнат (мягко). Контуженая.

Игнат улыбнулся. Сначала беспомощно. Потом все шире и шире. Как когда-то умел улыбаться.

Обнажая до десен желтые от курева зубы.

Закуток Софьи.

Под ногами Игната возился Пашка.

Игнат пихнул в вещмешок скоростемер, танковый шлем, подумал, вытащил шлем, нахлобучил его Пашке на голову.

Софья (голос за кадром). Кастрюльку забери.

Софья стояла в дверях.

Софья. Что, уезжаешь?

Игнат. Мне и здесь хорошо...

Софья. Влюбился? (пауза) В немку свою?..

Игнат ответил не сразу.

Игнат (будто оправдываясь). Это у тебя с немцем любовь была...

Софья грустно кивнула в ответ.

Ухнул взрыв. Второй. Третий.

Артобстрел.

Снаряд лег рядом с аккуратным домиком. Снес часть стены.

По улице бежали мужчины и женщины. Немецкие солдаты. На земле посреди улицы валялся фауст-патрон.

Крики (по-немецки):

- Русские идут...

- Быстрее... быстрее...

- Дитрих!

- Где фрау Нойман?

Софья бежала вместе со всеми, и вдруг остановилась около разрушенного дома, забежала за уцелевшую стену.

За стеной на земле в крови лежала женщина.

Женщина прикрывала телом годовалого ребенка.

Софья села рядом, начала аккуратно разжимать женщине пальцы.

Та открыла глаза. В упор посмотрела на Софью.

Взгляд немки затуманился. Потух.

Мертвая женщина продолжала держать ребенка.

Софья прижала ребенка к груди, побежала прочь.

Автоматная очередь выбила в стене черные звезды.

Самодельная кисть.

Белая краска на красном.

Эльза водила кистью по прислоненному к паровозу красному железу.

Она уже успела написать GUS.

Игнат (голос за кадром, растерянно). Ты чего?!

Эльза обернулась.

Эльза (тихо, по-немецки). Густав... Его зовут Густав...

Игнат (тихо). Совсем сдурела? Густав...

Игнат мягко отобрал у Эльзы кисть, бросил под паровоз.

Игнат (тихо, раздраженно). Ты бы еще свастику нарисовала...

Игнат вытащил кисть из банки с красной краской, принялся закрашивать белые буквы.

На мгновение остановился, обернулся.

Замер, не зная, что делать.

Эльза сидела на верстаке спиной к Игнату, смотрела перед собой.

Огонь.

В открытую топку полетел уголь.

Ночь.

Снег.

Низкие облака скрыли луну.

Паровоз Степана шел по путям.

В будке Степан, Софья. На руках сидящей на месте машиниста Софьи спал Пашка в танковом шлеме.

Степан работал за двоих. Открывал шуровку, кидал уголь...

Когда открывалась шуровка, лица озарялись красным.

Степан. Насовсем?

Софья. Насовсем.

Степан. Я с тобой пойду.

Софья смотрела на медленно проплывающие мимо деревья.

Софья. Знаешь. А я ведь детей иметь не могу... (пауза) Мне шестнадцать было... Свинарник для детдома строили... Зима... Застудилась... Операция была...

Софья усмехнулась грустно.

Софья. А свиней нам так и не привезли...

Степан. Как же Пашка?

Софья пожала плечами. Отвернулась.

Софья (ответила не сразу, грустно). Трофей...

Степан (решительно). Я с тобой пойду. В Иркутске, паспорта сделаем... Мне верный адресок дали.

Софья. Нет... До Лежнево добросишь, а там сама как-нибудь.

Степан заработал злее.

Паровоз прибавил ход.

Субъективная камера. Из-за поворота появились и, сквозь падающую с неба воду, ударили в глаза два снопа света. Кто-то ослепленный замер на путях.

Степан. В тендере кулек возьми... Сухари...

Софья не успела ответить.

Удар был сильным - запело железо.

В искры разлетелись фонарные стекла. Тьма.

Степан быстро сбросил пар, повернул ручку тормоза.

Провоз остановился.

Степан (голос в темноте). Пашка цел?

Софья (голос в темноте). Спит...

Степан (голос в темноте). А ты?

Софья (голос в темноте). Плечом приложилась...

Степан зажег факел, с огнем в руках спрыгнул на землю.

Они стояли перед огромным лежащим на боку телом медведя.

В свете факела мокрая шуба его казалась черной.

Жужжание пчел вокруг его головы.

Софья держала на руках спящего Пашку.

Софья (шепотом). Живой... На свет вышел...

Степан (шепотом). Они всегда глаза на свет пучат...

Медведь вздохнул глубоко. Бок его поднялся и опал.

Задыхал ровнее.

Софья. Вечный... Дырок-то в голове...

Степан (уважительно). Нашим неделю жрать...

Софья. Его трогать нельзя... А то, вроде как, рухнет все... изменится... Жилкин говорил...

Софья осеклась.

Степан заглянул медведю в темные глаза.

Бусенки пламени прятались в черных медвежьих зрачках.

Степан. Может... И хорошо... что изменится? (пауза, увереннее) Может... (пауза) и бежать никуда не надо?

Софья не ответила. Крепче прижала Пашку. Отвела взгляд.

Медведь двинул лапой. Улыбнулся.

Софья (волнуясь, жестко). Встанет... Уйдет...

Степан достал из-за голенища длинный нож.

Степан (спокойно). Не уйдет...

Морда медведя с черными глазницами на передке паровоза. Над селом стоял паровоз Степана. Медвежья шкура натянута на тендер.

Вечер.

Село освещало пламя костров.

Посреди станции на вертеле поворачивались дуги медвежьих ребер.

Вовка вращал ручку обеими руками. Кряхтел.

На груди его под распахнутым ватником горела медаль.

Жилкин (подошедшему близко Бочарову). Иди-иди отседа... Рана есё...

Бочаров отошел на пять шагов.

Около костра сидел народ. Ждал.

Неподалеку стояли молочные бидоны.

Вовка Жилкин не торопясь повернул вертел, отрезал кусок мяса на пробу, сел рядом с Буткусом.

Жилкин. Он же маленький совсем был... Тын Дый Чи... Ему есе лет триста расти нада... Он с елка вырастает... с кедр вырастает... если весьный... А есть его незя. Жопа будет, однако... Смерть будет...

Вовка многозначительно поднял нож, подумал, оперся о рукоять щекой, вздохнул.

Жилкин. Луцсе бы он кого-нибудь съел...

Буткус. Чего ж сам жрать собрался?

Жилкин (пробуя мясо). Мммм... Вкусный... (громко, народу) Гатова!

И в ночь загудело село.

Народ пил и ел. Ел и пил. Мужики и бабы.

В столовой, на станции, в бараке.

Серьезно. Самоотверженно.

Из тайги к селу двигался паровоз.

В тусклом свете отдаленных костров его нельзя было как следует разглядеть.

Формы его были округлы, обтекаемы, вытянуты. Будто приведение немецкого скоростного паровоза медленно плыло на село.

Паровоз пел тонким чистым голосом.

Тело паровоза было красным.

Эльза болтала ножками в туфельках, сидя на ватнике в дверном проеме будки. Пела.

Вместо тряпья под распахнутым ватником на Эльзе было платье.

Платье Эльзе чуть великовато - в талии прихвачено шнурком.

Быть завернутой всего в один слой материи непривычно.

Но Эльза старалась не показать вида.

Из дыма и тумана появился грубо намалеванный белой краской по красному гигантский Орден Красной Звезды.

Люди подходили ближе. Матильда, Плахова, Головина, Борька, Бочаров...

Эльза увидела людей, черные ребра над огнем, перестала петь.

Из темноты будки выглянул Игнат. Оперся о железо.

Паровоз выдохнул, остановился нос к носу с паровозом Степана.

Матильда (пьяно). А вот и Гнаша наш...

Плахова. ...с королевой своей.

Головина. Небось, со Степаном гонять прикатил...

И тут все увидели надпись.

Надпись вышла не очень аккуратная и прямая, но старательная и заметная.

На боках паровоза с двух сторон жирно по-русски было выведено «ГУСТАВ».

- Густав?

- Записал-таки в немцы!..

- Еще один...

- ...фашист!!!

Софья подхватила на руки Пашку.

Софья. Пойдем, Пашка, отсюда... Зря мы с тобой вернулись...

Народу прибывало. Люди будто вырастали из-под земли. Говорили. Толкались. Напирали.

Жужжание пчел.

Густав хрипло загудел.

Из своего паровоза выглянул Степан. Увидел уходящую Софью.

Игнат (не обращая внимания на людей, крикнул Степану). Назад сдай!

Степан посмотрел на паровоз Игната, кивнул. Исчез в будке.

Паровоз дыхнул паром. Но машина Степана пошла не назад. Вперед.

Медведь двинулся на звезду. Передки машин встретились, заскрипели...

Неподвижные колеса Густава заскрежетали по рельсам. Под натиском медведя, Густав попятился.

Голоса из толпы:

- (пьяный крик) Степа, давай!

- Вставь фитиль этому Густаву!

- Давай!!!

- Степаааа!!!

- Жми!!!

Посреди села бодались два паровоза.

Колеса Густава провернулись.

Густав налег, медленно пошел вперед. Стал теснить паровоз Степана.

Народ кинулся помогать паровозу-медведю.

Кто-то подставлял плечо под тендер, кто-то просто кричал, отдавал команды в темноту:

- Навались!

- Упор! Упор ищи!

- Дай ему! Дай!!!

Громкоговоритель радостно сообщил: Сегодня двадцать третье ноября. Полночь. Доброй ночи, товарищи!

Из репродуктора посыпался вальс.

Первое полено пролетело мимо репродуктора, второе угодило точно в раструб.

Репродуктор захрипел.

- Аяяя... - запричитал Вовка Жилкин.

Паровоз Степана дал длинный жесткий гудок.

- Ааааааааа! - закричал народ.

Матильда (громко, весело, пьяно). Что, победитель, поприседаем ради праздничка?!

Полено ударило в Густава. За ним камень... Обглоданная медвежья кость... Горячая головешка... Еще и еще...

Народ кричал, будто шел в атаку.

Игнат (громко). Отошли от машины!!!

Народ полез на Густава.

Игнат рванул кран Эверластинга.

В толпу дало паром.

Швырнуло людей, угли, горящие головни из костра на забор, на баню. Язычки пламени медленно поползли от угольков вверх по темной крыше.

Толпа откатилась и нахлынула снова.

Люди лезли в будку.

Игнат пнул одного, второго...

Игнат (народу громко, весело). Ну, я предупреждал!

Игнат прыгнул из будки на толпу, стал срывать карабкавшихся по железу людей.

В стороны полетели бабы и мужики...

Посреди толпы размахивал руками Буткус, шел вслед за паровозом.

Буткус (вторя Игнату). Отошли!!!

Удар поленом по голове. Буткус утонул в толпе.

Люди в будке кричали, махали руками, били в железо.

Эльза ударила кого-то в разинутый рот, двинула коленом по чьей-то заднице.

Звон железа, искры, свист пара, блеск разбитого стекла.

Толпа потащила, увлекла ее за собой.

Под скамейкой у смятого репродуктора, глядя на кричащих, бегущих мимо, падающих людей, дрожала собачка.

Пронзительный женский крик:

- Бабы! Баня горит!!!

Из бани выбежал голый Борька, за ним не торопясь вышла полная голая баба с узлом одежды под мышкой, плюнула вслед убежавшему.

За Борькой, размахивая дрыном, побежала Матильда.

Народ заметался... Заголосил. Схлынул, оставив лежать на земле Игната.

Языки пламени над баней.

Фельдшер черпанул стаканом из полного молочного бидона.

Фельдшер. Хорошо горит.

Он сидел на завалинке возле медпункта, по-особому, по-пижонски словно папиросу, курил самокрутку, смотрел добро на пожар, на побоище в селе.

Около бидона уже пристроился Вовка Жилкин.

Рядом с фельдшером сел злой Колыванов, две верхних пуговицы с его кителя были оторваны.

Колыванов показал фельдшеру фуражку.

Колыванов. Смотри... За фуражку укусили... Озверел народ от самогона твоего...

Мимо скамейки пробежал голый Борька. За ним с дрыном пробежала Матильда.

Фельдшер (Колыванову). Мы все... От Борьки и до товарища Сталина хотим одного... Жить хорошо... Только вместе хорошо жить у нас не получается.

Жилкин (важно покивал). Однако... Товаришь Сталин не захочет зыть с Борькой...

Его слова эхом отдались в пустом бидоне.

Фельдшер. Не переживай, Колыванов... Завтра - похмелье, всеобщий покой и немощь... Самогон - sine qua non (сИнэ ква нон) ...Без которого нельзя...

Шипение воды. Пар. Крики. Звон пустых ведер.

Буткус сидел посреди улицы.

Он вынул изо рта и уложил на ладонь четвертый выбитый зуб. Сжал зубы в кулак.

Ночь умирала.

Костер под черными медвежьими костями догорал.

Два паровоза все так же стояли нос к носу.

Передок Густава, на котором неумело намалеван Орден Красной Звезды, был разбит.

Он походил на машину из фантастического фильма, которую собрал ребенок из найденного во дворе мусора.

Обшивка его была помята. Один из красных листов обтекателя был почти оторван, торчал сломанным крылом.

Эльза, закинув руку побитого Игната к себе на плечи, вела его к Густаву.

Игнат с трудом переставлял ноги.

Эльза (по-немецки). Если спать в Густаве, то можно увидеть во сне все, что будет... И однажды... Давно... Еще на острове... Я тебя увидела...

Эльза опустила на землю. Оперлась спиной на колеса Густава, положила голову Игната к себе на грудь.

Эльза (по-немецки). Правда, ты был худым и белобрысым... Но это был ты... Теперь-то я знаю... И ты улыбался, как тот солдат с картинки...

Игнат вдруг улыбнулся.

Эльза (заметив улыбку Игната, по-немецки). Эй, ты чего?

Игнат (слушая сердце Эльзы). Стучит...

4.

Утро.

Мощный гудок паровоза разорвал тишину.

С косых крыш посыпался снег.

Черный паровоз тянул к Краю теплушку.

Черный дым. Запах гари.

Паровоз медленно пробирался между домов.

Крошки несгоревшего угля стучали по крыше будки.

Ничего не было видно сквозь стекла паровозных окошек, будто обклеенных изнутри черной бумагой.

Из паровоза выглянул, оперся на косяк основательный мужик в темной застиранной майке, галифе, шерстяных носках. Большой. Серьезный. Черноглазый. Тот самый, что тогда в сорок первом арестовал Густава, Эльзу и ее отца.

Майор оглядел покрытую белым станцию с угольными следами кострищ...

Хилый дымок тек в небо над тем местом, где раньше были баня и забор.

Пусто вокруг, будто повымерли.

Под разбитым репродуктором сидел Вовка Жилкин. На его коленях лежало сломанное надвое ружье.

В нос майору заползла пчела. Он не удивился зимней пчеле, раздавил ее внутри себя, нажав на крыло носа большим пальцем.

На станции паровоз выпустил пар.

Остановился.

Репродуктор нахрюкивал вальс Штрауса.

Майор босой, в темной от времени майке приседал в такт музыке, недовольно поглядывал на репродуктор.

Вовка Жилкин сосредоточенно ковырялся в погасшей трубке.

Майор. Мы значит на фронте... Бились... Бились... А ты тут немку прятал?

Жилкин. Кто прятал? Ни кто не прятал...

Майор. Она ж потопла...

Жилкин (кивнул согласно). Потопла...

Майор (с нажимом). А потом у тебя под носом четыре года туда-сюда... (пауза) Все самому доделывать... Все...

Жилкин. Думал – опять ее убью... (пауза) Потом... (покачал головой) Немка юркий...

Майор. А что про немца молчал?

Жилкин (растерянно). Какого немца?

Майор (строго). Ты со мной не хитри... (пауза) И чтобы ордена машинисту вернул... (пауза) А то вмиг в другие леса тебя переведем...

Вовка не испугался. Обиделся.

Жилкин. Вовка нисего плахова не делал... Вовка мУзыка сторозыт...

Репродуктор хрюкнул особенно громко.

Жилкин (тише, поправляется). Сторозыл...

Майор встал. Упер руки в бока. Наклонился вправо... влево... С наслаждением выдохнул пар.

Майор. Кончай Ваньку валять... Нормально говори...

Жилкин (серьезно, с укором, без акцента). Почему Ваньку?.. Это мой родной язык, Савелий Ильич... Скажете тоже – Ваньку...

Майор расправил плечи, набрал в легкие воздух.

Майор (крикнул на весь Край). Колыванов!!!

Крик майора прокатился в стылом воздухе, упал между домами.

Майор (тише, Жилкину). Херово встречаете...

Майор (кричит). Херово!!!

Станция.

(Крупный план. Отъезд на средний план.) Майор сунул пятерней в лицо Колыванову.

(Средний план. Продолжается отъезд на общий план.) Колыванов упал, пытаясь встать, беспомощно заелозил по земле ногами.

(Общий план. Камера взлетела над строем.) Майор пошел вдоль неровного строя крайчан.

На майорском кителе его горели медаль, орден красной звезды. Две нашивки за ранения.

Майор (всем, громко). Что?!? Всю Родину пропили или только до Урала?! Шантрапа!..

Народу в Крае оказалось много. Будто два пехотных батальона вывели на плац.

У некоторых были обожжены лица и руки.

Хмурые взгляды. Синяки.

У народа болела голова.

Морозный ветерок играл чубом на лбу майора.

Майор. Мы вас не наказываем... не караем... Мы вас прячем!.. от справедливого!.. народного!.. гнева!
(пауза) А гнев этот ни границ, ни срока давности не имеет! (пауза) Товарищ Сталин! Он добрый!

Майор прошел вдоль шеренги. Скрипнул сапогами, плюнул под ноги стоящим.

Майор. А я не добрый... (проходя вдоль строя) Только Фишман для вас страх... (передразнивая) Фишман приедет... Фишман... (пауза) А если не приедет?! (с нажимом) Куда вы все денетесь?!?! Сгрызете друг друга, как зверье...

Майор перевел дыхание, вытер рукой рот.

Майор (громко). Свободу почуяли?! Паровозы ломать?! Немцев плодить?! (пауза, всем) А, может, кто-то думает, что его тут по ошибке держат?! Кто думает - два шага вперед! Шагооом арш!!!

Строй не двинулся с места.

Одна из баб качнулась в шеренге. Чуть не потеряла сознание. Другая баба схватила ее под локоть.

Майор. Держать строй!!!

За Эльзой с грохотом закрылась дверь теплушки.

Эльза пнула стену, села в угол на ворох соломы, подтянула колени к подбородку.

Сквозь щели в стене били острые лучи.

В теплушке был кто-то еще. Дышал в темноте.

Вдоль полос света проползло что-то размером с собаку.

Шуршание. Злое сопение. Кто-то все ближе подползал к Эльзе.

Перед ней появился, сел по-заячьи, улыбнулся большим полузубым ртом Пашка.

Игнат сидел в каптерке за столом, пытался собрать одно ружье из двух сломанных.

Держа ружье на коленях, Игнат спустил курки. Кривые сбитые собачки застряли на полпути.

В окно с улицы заглянул Вовка Жилкин, открыл раму, вытащил из залатанной корзинки, положил на подоконник медаль.

Жилкин. Вот... (пауза) Свесда тозе вернуть хотел... Закопал где-то... Снег весде... Копал-копал... Семля мерзлый... Свесда в землю ушел...

Игнат нажал на курки.

Собачки снова застряли на полпути.

Вовка с интересом посмотрел на сломанные ружья.

Жилкин. Немку вернуть хосес? (пауза) Немку вернуть дорого... осень дорого...

Игнат поднял голову, посмотрел на Жилкина.

Жилкин (вздыхнул, с сожалением посмотрел на медаль, уходя). А у тебя нет нисего!

Игнат вздохнул.

Разжал пальцы.

Ружье упало на пол.

Легко распалось на дерево и железо.

Кто-то с силой стукнул в теплушку кулаком. (весь эпизод камера находится только внутри теплушки)

Пашка удивленно повернул голову. Испуганно пополз к Эльзе.

Кто-то еще сильнее стукнул в стену теплушки. С потолка посыпалась труха.

Софья (голос за кадром). Пашка! Пашкаа! Пашкаааа!

Голоса:

- Чего?

- Пашку нашего...

- Чего - Пашку?

- Забрали... Чего...

Все сильнее стуки. Все громче голоса. Вагон зашатался... От испуга Пашка криво раскрыл рот, громко засопел...

Состав дернулся, сдал назад.

- Одно дите в поселке, и то...

- Суки!!!

- Лом тащи!

Теплушка задрожала от мощных ударов.

Майор (голос за кадром). Стоять!

Крики:

- Вот он где...

- Майооорр!!!

Майор (голос за кадром, перекрывая удары, крик толпы). Куда поперли, сволочи?!!!!

Софья (крик за кадром). Бей его гадаа!!!

- Ааааа!!!

Вой толпы вырос в страшный медвежий рык. Мелко задрожали стены теплушки.

Выстрелы. Четыре пули пробили стену теплушки. Одна за другой. Пули ложились все ближе к тому месту, где сидели Эльза и Пашка.

Летели острые щепки.

Пуля пробила доску рядом с Эльзой. До маленькой аккуратной дырочки можно было дотянуться рукой.

Последняя пуля не оставила следа.

Снаружи стихло.

Пашка спустился с колен Эльзы, подполз к дырочке, с любопытством заглянул в тонкий лучик света. Загукал радостно.

(Субъективная камера) Сквозь дырочку было видно, как народ расступился перед майором, попятился от оружия.

На насыпи лежала Софья.

Майор (не громко). Дорогу...

С пистолетом в руке, майор шел сквозь толпу...

Майор (не громко). Зачем он вам сдался? Фашистенок...

...повернулся, посмотрел на лежащую Софью.

Майор (не громко, с досадой). Вот дура...

Майор стукнул ладонью по железной обшивке паровоза.

Майор. Трогай!

Из будки выбрался, спустился на землю Саркисян.

Пошел меж домов.

Майор. Саркисян!

Саркисян (громко, махнув на майора рукой). А... Один раз проехал – хватит!.. На свою машину вернусь!
(тише) На Арамчика вернусь... (цокая языком, тихо) Скорости захотел старый дурак...

Черный паровоз послушно дыхнул паром, тронулся.

Майор стоял в проеме будки, не торопился закрывать дверь.

Спокойно глядел на идущих вдоль пути людей.

Паровоз шел быстрее, и люди шли быстрее.

Степан нес Софью на руках. Торопился. Не хватало сил.

Оскаленная пасть на передке. Пустые глаза медведя.

Степан (тихо, задыхаясь от тяжести). Сейчас... Сейчас... Фельдшер... Ближе уже...

Софья (шепотом, голос ее прерывался). Меня... никто... на руках... не носил...

Степан (тихо, задыхаясь от тяжести). Потерпи... Сейчас...

Софья внимательно смотрела на Степана, улыбалась, старалась удержать его за ватник.

Пальцы ее медленно разжимались.

Рука сорвалась, повисла.

Около дома фельдшера Степан опустил Софью на снег.

Сидел над Софьей, не мог отдышаться, провел ладонью по ее лицу.

Закрыв ей глаза.

Резкий фальцетный гудок заставил людей остановиться, повернуть головы.

Вслед за черным паровозом майора пошел Густав.

За паровозом Игната побежали люди.

Закричали.

- Достань этого гада!

- Достань!!!

Будка Густава.

Ржавое железо, патрубки, закрепленные колючей проволокой, веревки, сорванные лючки, деревянные клинья - ими были прикручены и закреплены, приборы.

В будке - Игнат работал за двоих. Кидал уголь, открывал и закрывал шуровку.

Гудел огонь.

На мгновение Игнат замер. (субъективная камера) Посмотрел на лежащую в снегу Софью, сидевшего рядом Степана.

Заревел паровоз-медведь.

Пошел.

На паровоз забирались люди.

Тайга. Путь.

Два паровоза шли вровень.

Игнат. Фишман!!!

Дверь будки черного паровоза открылась. Майор с любопытством оглядел идущий рядом паровоз Игната, прочитал кривую надпись "Густав" на его боку.

Майор (усмехнувшись). Какой я Фишман?

Майор основательно похлопал ладонью по железу будки.

Майор. Вот Фишман.

"Фишман" - на боку паровоза горела тонкая латунная надпись.

Будто поняв, что говорят о нем, Фишман загудел мощно, грозно, радостно.

Стрелка скоростемера плясала на красной черте.

Будка паровоза-медведя.

Буткус зло кидал уголь в топку.

Степан открывал и закрывал заслонку.

Буткус (продолжая работать, спокойно). На пределе идем...

Грохотало.

Густав и Фишман набирали ход.

Майор. Мы ж с тобой фронтовики... (чеканя каждый слог) По-бе-ди-те-ли... должны понимать... Немцы к немцам - порядок... (усмехаясь) А ты Густав на паровозе написал! Кто он тебе?

Игнат (с вызовом). Родственник!

Майор все еще, будто по инерции, улыбался.

Майор (все серьезнее). Густав твой и пятьдесят не сделает! Знал я одного Густава - слабак! Против Фишмана ему не потянуть... Никому не потянуть! (пауза) Я в железе понимаю. Отец сорок лет паровозы гонял. (пауза) Ехал бы ты отсюда, куда подальше!

Сказал, закрыл дверь будки.

Игнат (себе, тихо). А дальше некуда...

Стрелка манометра плясала на красной черте.

Игнат работал быстро. Поглядывал на стрелки приборов, на идущий рядом паровоз.

Если смотреть на Фишмана из будки Густава, то казалось, что паровозы стоят на месте, только тряска становилась все сильнее, и все быстрее бежали назад деревья, что тянулись стеной за полосой отчуждения.

Майор (кричит азартно, зло, с угрозой). Ну давай, сержант!!! Давай!!! Под трибунал торопишься?!! Давай!!!

Стрелка манометра Густава продвинулась дальше за красную черту. Так далеко она еще не забирались.

Дробно стучали колеса.

На немецком скоростемере стрелка медленно ползла по черточкам...

56... 58... 63... 65...

Из-за плохо уложенного пути то Фишмана, то Густава начинало сильно трясти. Рельсы будто хотели сбросить тяжелую ношу. То один, то другой паровоз вырывались вперед.

Игнат накидал в топку угля, выглянул из будки.

67... 68... 69...

Майор с удивлением смотрел, как Густав набирал ход.

Майор (зло). Смотри вперед - стрелка моя! С рельс слетишь!

Игнат еще подкинул угля в топку, выронил лопату, схватился за голову, пошатнулся.

(Субъективная камера) Деления скоростемера поплыли перед его глазами...

70... 70...

Игнат (Густаву). Ну!!!

Теплушку трясло.

Казалось, будто народ снова раскачивает ее. Бьет кулаками в доски.

Эльза крепко прижала Пашку к себе.

Закричала.

Эльза. Игнааат!!!

Паровоз Игната стал выходить вперед.

Давление. Стрелка манометра перестала дрожать, уперлась в край циферблата.

На скоростемере...

70... 70... 70... 70... 71... 71...

Посреди тайги, там где два пути сходились в один, стояла дрезина.
Вовка поставил на дрезину корзинку с красными от холода ягодами, повернулся.
На Вовку неслись два паровоза.
Вовка побежал к железнодорожной стрелке, замер.
Переложил стрелку вправо. Посмотрел растерянно. Переложил стрелку влево. Посмотрел. Попятился к дрезине, запрыгнул на нее, на миг застыл сусликом, спрыгнул с дрезины, побежал в тайгу.

Густав прибавил. Механизмы внутри него запели. Загудели в такт пламени.
Густав опережал Фишмана на пол корпуса.
Фишман первый ударил по тормозам. Искры посыпались из-под его колес.
Густав затормозил, налетел на стрелку, сошел с рельс. Паровоз развернуло.
Игната бросило на железо.
Полетели вырванные из земли шпалы, рельсы.
Густав загородил путь. Что-то внутри него завывало, лопнуло со звоном.
Фишман ударил в тендер Густава, проломил паровозу бок.
От резкого толчка полетела вверх угольная пыль, покатила вперед брошенная на путях дрезина.
Густава окутало облако пара.
Майор спрыгнул на насыпь.
Майор. Все сержант, разозлил ты меня..
Майор не стал заходить в облако. Остановился. Вытащил пистолет.
Майор. Ты кому дорогу перешел?! До суда не доживешь... Выходи!
Из-за деревьев, что росли за полосой отчуждения, с опаской выглядывал Жилкин.
Игнат (голос из облака пара). Пятьдесят, говоришь, не сделает?
Из облака медленно вышел Игнат.
В его руке лежала коробка скоростемера.
Игнат остановился напротив майора, поднял скоростемер, показал майору шкалу.
Игнат. Пятьдесят, говоришь, не сделает?
Майор с удивлением посмотрел на скоростемер.
Игнат. Семьдесят один километр в час! ВидАл - рекорд?
Майор (удивленно, с угрозой). А?
Игнат. На!
Игнат ударил майора скоростемером в лицо.

От сильного удара из рук майора выпал пистолет.

Еще удар.

Отлетела к рельсам разбитая коробка прибора.

Майор опрокинулся на землю. Обхватил голову руками. Завыл глухо.

Фишман дал гудок. Будто крикнул испуганный человек.

Игнат (Фишману). Молчать!

До майора долетал далекий, как сквозь вату, голос.

(Субъективная камера - глазами майора.) Стоящий перед майором Игнат будто вырос выше Фишмана. Закрыв небо.

Игнат (голос за кадром). Вот так, бля...

Темнота.

Майор. Крупный план.

Не открывая глаз майор застонал, сжал голову руками, притянул ноги к животу.

Колыванов (крик глухо долетал до майора). Стоять! Стоять всем!

Звон велосипедных железяк.

Головина (крик за кадром). Софью-то зачем?!

Плахова (крик за кадром). Пусть скажет!

Колыванов (голос за кадром). Думаете, война закончилась - и теперь судить можете?! Не можете! (продолжает кричать народу, но слова его уходят в фон) Нет для вас такого закона!

(Субъективная камера.) Майор открыл глаза.

Над майором склонился фельдшер. Помог сесть.

(Общий план.) Между майором и народом стоял Колыванов, как щитом потрясал выставленным перед собой велосипедом.

Колыванов. Кто вы против него? Кто?! Он вас гадов освобождал!

Фельдшер (майору, тихо, разговор во время речи Колыванова). Голова кружится? Сознание теряешь?

Майор напряженно вслушивался в слова фельдшера.

Колыванов (громче). ...Чтоб не передохли там... как скоты... без Родины!

Фельдшер. Контузии были?

Фельдшер принялся водить пальцем перед носом майора. Тот, не обращая внимания на палец, строго смотрел на фельдшера.

Майор (не то отвечает, не то спрашивает). Были?

Фельдшер. Теперь на одну больше...

Колыванов (народу с нажимом, громче). Он до Берлина... По-честному!.. Два ранения!!!

Голос Колыванова звенел от напряжения. Он не знал что сказать.

Фельдшер полез майору в глаз.

Майор отвел его руку.

Майор. Что тут... случилось?

Фельдшер. А что помнишь?

Майор огляделся, будто искал знакомое, увидел лежащую рядом коробку скоростемера, тронул отпечатавшуюся на виске стрелку.

Пар.

Оскаленная пасть пустоглазого медведя на передке паровоза.

Убитые машины.

Сошедшая с рельс теплушка открыта.

Колыванов (еще громче). Назад!!!

Хмурые лица людей расплывались в серые пятна.

Бочаров, Борька, Матильда, Тетерин, Головина, Буткус...

В руке Степана - пистолет майора. Смотрел дулом в землю.

Колыванов (еще громче, глядя на пистолет). Мне он тоже в морду дал! (кричит) Имеет право!!!

Майор (Колыванову, тихо). Чего орешь? Ты кто?

Колыванов с удивлением посмотрел на майора, беспомощно оглядел народ.

Колыванов (растерянно). Я?.. Колыванов...

Над стоящими повисла тишина.

Майор (спокойно). Ехать мне надо, Колыванов... Дочь у меня болеет. Надюха.

Майор с трудом встал.

Майор (громко, крикнул так, как Колыванову и не снилось). Мне ехать надо!!!

От прежнего голоса его народ вздрогнул.

Майор оперся на черный бок Фишмана, посмотрел на людей... И вдруг - улыбнулся. Покачал головой...

Майор (не громко). Херово встречаете.

В глазах людей уже не было угрозы.

Степан хотел поднять пистолет - навести на майора.

На руку Степана мягко легла рука Матильды. Не дала поднять пистолет.

Из-за плеча Матильды с опаской выглянул Борька.

Матильда (усмехнулась грустно, не громко). Вот ведь беда... Что не победитель, то контуженый...

Буткус (тихо). Пошли... Отвоевали...

Народ налег.

Руки людей упирались в седло, в спину майора.

Майор вырuling из толпы на велосипеде. Крыльями раскинулись полы накинутаго на его плечи полушубка.

Запыленные лаковые сапоги нажали на педали.

Крики в толпе вслед майору:

- Давай, майор!

- Крути педали!

- Не заваливай, майор, не заваливай!

Головина (Колыванову, тихо). К дочке торопится.

Колыванов (тихо). Погибла она... под Москвой... в сорок первом. Девчонка совсем.

Майор ехал все быстрее. Все дальше.

Буткус (глядя вслед майору). Упорный...

Майор неловко упал с велосипеда, поднялся, снова запетлял вдоль насыпи.

Борька (глядя вслед майору). На рекорд идет.

Кто-то хохотнул.

Растянутые в улыбках рты.

И засмеялся народ.

Матильда, Борька, Буткус, Бочаров, Плахова, Тетерин, Саркисян...

Подхахатывал так, что на лице пропали глаза, Вовка Жилкин.

Бочаров. А у Фишмана такой же номер как у меня...

Буткус. Родственники...

Смех победителей мешался с паром над разбитыми паровозами, поднимался к небу, превращался в облако.

Степан сидел в проеме будки своего паровоза. Курил.

Он казался спокойным, только в глазах его, наверное от дыма самокрутки, блестели слезы.

Жилкин забрался в будку, сел рядом, взвесил на ладони пистолет майора, перестал улыбаться, вытер его от грязи, привычно вынул обойму, передернул, поставил на предохранитель, засунул в карман.

Жилкин (без акцента). Думал - убьешь его...

Степан выдохнул дым, посмотрел на темные свои руки.

Степан. Хрен поймешь, кого убить, (усмехнулся грустно) чтобы счастье...

Жилкин покивал согласно.

Жилкин (без акцента). Ничего... Теперь всё хорошо будет...

Степан строго глянул на Жилкина.

Жилкин (неуверенно, без акцента). Ну... Всё, что осталось...

Жилкин вздохнул полной грудью, посмотрел в небо над паровозами.

Жилкин (кивая на облако над паровозами, без акцента). Смотри... Облако на медведя похоже.

Матильда подняла скоростемер, кивнула с уважением. Стрелка впечаталась между семьдесят первым и семьдесят вторым делением.

Борька подошел к Матильде, по-бабьи взял ее под руку, одобрительно хмыкнул над разбитым прибором.

Матильда посмотрела туда, где вдали бесполезно крутил педали майор.

Матильда (Борьке). наших ему все равно не догнать...

Путь. Тайга.

На дрезине дрожала корзинка с красными от мороза ягодами.

Игнат, Эльза и Пашка на дрезине.

Игнат посмотрел на Эльзу. Улыбнулся.

Эльза улыбнулась в ответ. Она сидела, смотрела на Игната.

Игнат посадил Пашку на колени, положил его ручки на рычаг дрезины.

Пашка испуганно вцепился в рычаг. Теперь казалось, что он качает рычаг вместе с Игнатом.

По небу плыло похожее на медведя облако.

Рассказчица (Закадровый голос Эльзы. Говорит медленно, с акцентом, старательно произнося слова).

Устроились мы через год. В Барнауле. Хорошо жили. Игнат на вокзале работал. Сторожем. Я ему еще троих родила. А вот говорить и петь на людях было нельзя. Дома, да и то шепотом. Стенки в бараке тонкие. Жила как немая. У нас убогих не обижают.

Тайга. Стрелка. Два пути сходятся в один. Заснеженный, вросший в сугроб ржавый остов Густава на полосе отчуждения.

КОНЕЦ

Автор: Гоноровский Александр Александрович

Моб. 8-903-546-1420,

дом. (495) 580-68-06

e-mail: samodelkin@mail.ru